Молочные зубы

Автор:
Зои Стейдж

Молочные зубы

Зои Стейдж

Молодежный психологический триллер

Страдающая от генетического заболевания Сюзетта Йенсен всегда знала, что материнство станет для нее серьезным испытанием. Тем не менее, она дарит жизнь малышке Ханне, полагая, что теперь у них с Алексом будет настоящая семья. Чувствуя обиду на собственную мать, Сюзетта твердо намерена воспитывать дочь в любви и заботе, которых она была лишена.

Но Ханну с уверенностью можно назвать трудным ребенком: в свои семь она умеет читать и писать, но еще не произнесла ни слова. Отличаясь дурным нравом, девочка не задерживается надолго ни в детском саду, ни в школе, вынуждая Сюзетту перевести дочь на домашнее обучение. Презирая установленные мамой правила, девочка с каждым днем становится все агрессивнее. И только с отцом Ханна ведет себя как ангел: для Алекса она его lilla gumman.

Сюзетта уверена, что их дочь – первоклассный манипулятор и ненавидит мать. Она одна замечает ревность и ненависть в глазах Ханны. И чем больше усилий прикладывает девочка, чтобы разлучить родителей, тем больше Сюзетта начинает бояться за свою жизнь…

Зои Стейдж

Молочные зубы

Zoje Stage

BABY TEETH

Copyright © 2018 by Zoje Stage

© В. Липка, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Посвящается моему отцу, Джону Стейджу

ХАННА

Возможно, машина умела различать слова, которые она никогда не произносила. Наверняка они хранились где-то у нее в подкорке. Возможно, увеличив изображение, все эти люди в белых халатах смогли бы разглядеть мысли, роящиеся в 3D-проекции ее черепа, как суетливые пчелы. Ханна знала: с ней все в порядке. Но мама захотела показать ее специалистам. Снова.

Больничная палата грозно стращала иглами. К аромату лимонных леденцов примешивался едкий химический запах. Когда она была маленькой, машина ее пугала. Но теперь Ханне было семь, и она вообразила себя астронавтом. Космический корабль несся вперед и издавал короткие сигналы, а она определяла координаты, постоянно сверяя курс. Крохотная Земля исчезла из виду в иллюминаторе, и девочка оказалась в темноте, среди сияющих, убегающих вдаль звезд. Ее никто и никогда не догонит. Она улыбнулась.

– Не шевелись, пожалуйста. Мы почти закончили, у тебя все здорово получается.

Руководитель полетов внимательно наблюдал за ней, сидя за монитором. Она ненавидела персонал наземного центра управления с их белыми халатами, мелодичными голосами и искусственными улыбками, в мгновение ока сменявшимися хмурым взглядом. Все они одинаковые. Лжецы.

Ханна держала слова при себе, потому что они наделяли ее силой, сохраняя непорочность внутри нее. Она присматривалась к маме и другим взрослым, внимательно их изучая. Слова слетали с их губ как мертвые жучки. Не у многих людей, таких как папа, слова были похожи на разноцветных бабочек, от которых у нее дух захватывало.

Внутри нее бушевал калейдоскоп удивительных эмоций, которые она пыталась хоть как-то выражать. Но, как назло, изо рта вылетали будто цветные шарики. Чушь. Лепет. Разочарование даже для ее собственных ушей. Когда она оставалась в комнате одна, то изо всех сил практиковалась, но с губ срывались лишь жучки, пугающе живые, резво разбегавшиеся по коже и одежде. Она стряхивала их и смотрела, как они исчезают за запертой дверью.

Слова, как всегда ненадежные, еще никому не стали другом.

Но если честно, то существовала и другая причина ее безмолвия – выгода. Ее молчание сводило маму с ума. Все эти годы та отчаянно желала услышать, как ее дочь заговорит. И без конца умоляла:

– Ну, пожалуйста, маленькая моя! Ма-ма! Ма-ма!

А вот папа, наоборот, никогда не расстраивался и не просил. Когда он держал ее на руках, у него загорались глаза, будто перед ним вспыхивала сверхновая. Он один видел ее настоящую, поэтому она улыбалась ему, а в награду отец целовал ее и щекотал.

– Порядок, мы закончили, – сказал руководитель полетов.

В наземном центре управления кто-то нажал кнопку, и ее голова выскользнула из гигантской механической трубы. Космический корабль приземлился обратно на Землю, швырнув ее в водоворот повседневности. Вокруг проступили бесформенные силуэты, и один из них протянул ей руку, предлагая отвести обратно к маме, словно это было какое-то вознаграждение.

– Ты потрудилась на славу!

Какая ложь. Она вообще ничего не сделала, разве что слишком рано вернулась на Землю. Лежать неподвижно оказалось совсем не трудно, а молчание и вовсе было для нее естественным состоянием. Ханна протянула женщине руку, хотя ей очень не хотелось возвращаться к недовольной маме в очередную душную комнату. Куда лучше было бы исследовать бесконечные больничные коридоры. Она вообразила, что движется в чреве огромного дракона. Изрыгнув злобное пламя, он вышвырнул бы ее в другой мир, которому она принадлежала, где можно было мчаться по мрачному лесу с мечом в руке, выкрикивая боевой клич, чтобы собрать соратников. Она повела бы приспешников в атаку, и они ринулись бы на врага: режь, круши, бей и руби. Меч познал бы вкус крови.

СЮЗЕТТА

Она провела по затылку дочери, пригладив растрепавшиеся во время процедуры волосы.

– Вот видишь, все не так плохо. Теперь послушаем, что скажут врачи.

От натянутой улыбки у нее задергался глаз, и она коснулась его уголка указательным пальцем. Ужас запустил острые когти в ее сердце, нанося непоправимый урон душевному равновесию. Бесконечные больничные коридоры, палаты и кабинеты врачей она считала ничем иным, как ведомством пыток. Они нависали над ней тяжеленной глыбой. Ханна сидела, подперев ладонью щеку, поглощенная своими мыслями, без тени эмоций на лице. Такой она обычно бывала перед экраном телевизора. Сюзетта взглянула на картину в раме, привлекшую внимание дочери. Квадраты блеклых цветов. По движению глаз Ханны она хотела понять, пытается ли та их сосчитать или сгруппировать по сходным оттенкам. Дочь делала вид, что не замечает присутствия матери, и в этом нежелании смотреть на нее Сюзетта увидела привычный укор. После стольких лет она потеряла счет грехам, за которые несла наказание.

Возможно, Ханна все еще сердилась, что у них закончились бананы. Перед этим она ударила кулаками по столу, сердито глядя в тарелку, в которой не было ничего, кроме хлопьев. Может, дочь затаила обиду за прошлый вечер, неделю или день. Ханна не знала, что Сюзетта не хотела делать ей еще одну

томографию – радиация, в пятьсот раз превышающая обычный рентген, – но уступила желанию Алекса. Соображения, которыми руководствовался муж, основывались на прагматичной уверенности, что прогрессу дочери в развитии речи препятствует физиология. Он не видел, что вытворяла девочка, а Сюзетта никогда не могла сказать ему, в чем действительно заключалась проблема и что все это было одной сплошной ошибкой: она не умела быть матерью и удивлялась, как это вообще когда-то показалось ей хорошей идеей. И, видимо, поэтому во всем с ним соглашалась. Ханну, конечно же, обследуют еще раз. Им, разумеется, надо знать, нет ли у нее физических недостатков.

Сюзетта посмотрела на дочь. Как же они были похожи: темные волосы, большие карие глаза. Хоть бы она унаследовала что-то от Алекса. Сюзетта нарядила Ханну: надела новые гольфы и сандалии с ремешком. На ней же было шелковое платье спортивного покроя, перетянутое на талии ремнем, чтобы подчеркнуть фигуру, и туфли, стоившие целое состояние. Сюзетта понимала, что так наряжаться, отправляясь к врачам, глупо, но боялась, что ее сочтут плохой матерью. Так хотя бы никто не скажет, что ее ребенок выглядит неухоженным. К тому же у Сюзетты было так мало других возможностей надеть что-нибудь изысканное, потому что все время приходилось сидеть дома с Ханной. Раньше она любила наряжаться, отправляясь к Алексу на корпоративные вечеринки. Ей нравилось, что он не сводил с нее сладострастного взгляда, когда она попивала вино и болтала с другими мужчинами.

Тогда еще они пытались прибегнуть к помощи нянь, однако те быстро сбегали, и в конце концов, им пришлось сдаться. Алекс отнесся с пониманием, его вечеринки стали реже и короче, но тем не менее ей не хватало непринужденной обыденности, которой они когда-то наслаждались с Фионой, Сашей и Нгози. Сюзетта никогда не спрашивала, рассказывает ли Алекс о ней на работе или же ведет себя так, будто ее больше нет.

С волнением ожидая, что скажет доктор – и что он, возможно, станет ее критиковать, – она стала барабанить пальцами по руке Ханны. Та отдернула ладонь и уткнулась подбородком в грудь, все так же глядя на пеструю картину, которая ее словно гипнотизировала. Сюзетта чувствовала, как все тело затекло. От этого неприятно саднила недавняя рана, и женщина потянулась, пытаясь расслабиться. После операции, сделанной восемь недель назад, она впервые устроила себе такую продолжительную прогулку. На этот раз процедуру провели лапароскопическим методом, поэтому реабилитация казалась легче, хотя ей все равно пришлось попросить доктора зафиксировать шрам.

Уродливая неровность рубца, спускавшаяся с правой стороны от пупка вниз глубокой шестидюймовой бороздой, всегда беспокоила ее. Алекс говорил, что эта деталь ее совсем не портит, наоборот, свидетельствует о ее внутренней силе, позволившей выжить, несмотря на перенесенные страдания. Сама же она не нуждалась в напоминаниях о тех отвратительных сиротливых годах, о затаившемся внутри нее враге или об убийственном безразличии собственной матери.

Как водится, первая операция, сделанная в семнадцать лет, вселила в нее такой ужас, что она отвергала рекомендации доктора Стефански до тех пор, пока не возникла опасность прободения кишечника. Поначалу сужение выводного канала отзывалось лишь легкой болью, и она сократила потребление клетчатки. Ей казалось, что активное лечение – впрыскиваемый в кровь препарат биологического происхождения – устранит наиболее тяжелые симптомы болезни Крона[1 - Болезнь Крона – тяжелое хроническое воспалительное заболевание желудочно-кишечного тракта, способное поражать все его отделы, от полости рта до прямой кишки.]. Так оно и вышло. Но когда воспаление отступило, вокруг стриктуры в кишечнике наросла рубцовая ткань.

– Не вырезайте слишком много! – молила она хирурга, словно он хотел не вернуть ей здоровье, а обокрасть.

Алекс поцеловал ее руку с побелевшими костяшками.

– Все будет хорошо, ?lskling[2 - ?lskling (швед.) – дорогая, дорогой.], ты почувствуешь себя намного лучше и сможешь есть значительно больше продуктов.

Да, здравые доводы. Ее не столько пугала потеря изрядного участка тонкой кишки, сколько утрата неотъемлемого права испражняться на унитазе как нормальный человек. Ей доводилось видеть тех, кто вынужден был жить с илеостомией, таская с собой прикрепленные к животу пакеты. Но вот она не могла представить себя на их месте. От одной мысли об этом у нее тряслась голова – до тех пор, пока Ханна не вздрагивала и не бросала на нее сердитый взгляд, недовольно хмурясь, словно она уже взялась портить воздух в комнате.

Сюзетте приходилось снова и снова брать себя в руки, чтобы не пугать дочь. Но несговорчивый разум продолжал свою игру, отказываясь отвлекаться на более

радостные мысли в последовавшие за операцией недели.

А если еще одна фистула?

Эти страхи преследовали Сюзетту каждый день с тех пор, как ей назначили операцию. В последний раз свищ появился примерно через шесть недель после срочного хирургического вмешательства. Как-то утром она проснулась, чувствуя себя так, будто всю ночь проспала на кирпичах, которые проглотила накануне: лужа нечистот, ждавшая, когда ее осушат. После операции прошло восемь недель, так что вероятность осложнений пошла на спад. Алекс выдал очередную банальность в духе: «Проблемы надо решать по мере их поступления». Доктор Стефански заверил: «Нет-нет, просто продолжайте делать вливания, показатели воспалительных процессов у вас в норме». Но в голове крутился один и тот же вопрос: а если Алексу придется играть роль сиделки, меняющей грязные, вонючие пакеты в ране, которой не дано затянуться…

В дверь смотровой постучали, вырывая Сюзетту из раздумий. Иногда присутствие врача лишь усугубляло ее душевную травму, но на этот раз речь шла не о ней, а о Ханне. Она же пришла сюда как мать, причем мать заботливая, в отличие от ее собственной. Сюзетта приложила руку к животу, в который будто впились тысячи крохотных иголочек, а когда врач с более седой, по сравнению с предыдущим, головой стремительно переступил порог, заставила себя улыбнуться. Брови у него топорщились во все стороны, а из носа вызывающе торчали волоски, и Сюзетте с трудом удавалось смотреть доктору в глаза.

Он пожал ей руку и поприветствовал:

– Миссис Дженсен.

Как и все остальные, доктор неправильно произнес ее фамилию. Хотя Сюзетту это беспокоило в меньшей степени, чем Алекса, который родился в Швеции и, прожив в Соединенных Штатах девятнадцать лет, все не мог смириться с тем, что американцы вместо «Й» всегда произносят «Дж». Доктор сел на стул на колесиках и вывел на экран компьютера медицинскую карту Ханны.

– Никаких изменений с момента предыдущего обследования… Когда она его прошла? Два с половиной года назад? Череп, челюсть, горло, рот – никаких

аномалий не выявлено ни томографией, ни осмотром. Стало быть, все хорошо, правда? Ханна у нас – здоровая девочка.

Он улыбнулся, а Ханна отвернулась.

– Значит… нет никаких?.. – Сюзетта старалась не выдать охватившего ее разочарования. – Ханна должна уже оканчивать первый класс, а мы ее даже в школу не можем отдать, потому что она не говорит. Мы не считаем, что ее надо отдавать в специальный класс: она сообразительна, я занимаюсь с ней дома, девочка очень умна. Умеет читать, считать…

– Миссис Дженсен…

– Это не пойдет Ханне на пользу, в такой изоляции ей будет плохо. У нее нет друзей, она не общается со сверстниками. Мы стараемся ее поддерживать и ободрять. Неужели ничего нельзя сделать, как-то помочь?

– Если у Ханны проблемы с речью, я знаю прекрасного логопеда.

– Мы уже обращались к логопедам.

– Она сможет пройти любые тесты. Речевая апраксия, семантическое прагматическое расстройство… – Он прокрутил на мониторе таблицу, что-то выискивая. – Нарушение слухового восприятия, хотя ее случай для этого представляется нетипичным. Вы обследовали ее на предмет данных патологий?

– На что мы ее только не проверяли. Она прекрасно все слышит, мышечная слабость нигде не выявлена, когнитивных проблем тоже не наблюдается. Я уже сбилась считать эти тесты, хотя они, по всей видимости, ее забавляют. Но не хочет говорить ни слова.

– Не хочет? – Доктор повернулся и посмотрел на Сюзетту.

– Не хочет. Или не может. Я не знаю. То есть… именно это мы и пытаемся выяснить.

Сюзетте стало неуютно, когда доктор начал переключать внимание с нее на Ханну и обратно. Она представила картину его глазами: дочь с полчищем тараканов в голове и мать – аккуратную и ухоженную, но с нервами ни к черту.

– Говорите, она умеет читать и писать? Стало быть, вы можете общаться с ней с помощью письма?

– Она пишет ответы в тетрадках, ничуть против этого не возражая. Мы знаем: наша девочка все понимает. Но когда просим ее выразить на бумаге свои мысли, чтобы наладить хоть сколь-нибудь эффективное общение… Нет, она не желает с нами так говорить.

Сюзетта так крепко сжала кулаки, что почувствовала боль. Потом схватила и стала теребить ремешок сумочки.

– Ханна умеет издавать громкие, неприятные звуки, и мы считаем, что у нее могли бы получаться и другие. Она может рычать, визжать, а еще мычать про себя какие-нибудь песенки.

– Если все дело в ее сознательном отказе… Тем, кто не хочет и кто не может, требуются разные врачи.

Сюзетта почувствовала, как покраснело лицо, будто собственные руки рванулись к горлу и принялись выдавливать из нее жизнь.

– Я… мы… даже не знаем, что делать. Дальше так продолжаться не может.

Она судорожно вздохнула.

Врач сцепил пальцы и улыбнулся сочувственной кривоватой улыбкой.

– С поведенческими нарушениями справиться так же трудно, как и с физическими, если не труднее.

– Мне не дает покоя одна мысль… Может, я что-то делаю неправильно?

– Понимаю, это действительно создает в семье напряжение. Я мог бы посоветовать вам детского психолога. Психиатра рекомендовать не буду, по крайней мере, до тех пор, пока девочке не поставят диагноз. В наш век все страшно торопятся выписывать рецепты, а психолога, надо полагать, вы как-нибудь переживете.

– Да, спасибо, думаю, так действительно будет лучше.

– Я вышлю направление через вашу страховую компанию…

Он повернулся обратно к компьютеру. Сюзетта мяла ремешок сумочки, скручивая его в узлы, от облегчения у нее немного кружилась голова. Потом заправила Ханне за ухо выбившуюся прядь волос.

– Я стараюсь избегать всякой химии, – сказала она в ссутулившуюся спину доктора. – Дело не в том, что все медикаменты ядовиты, однако общество, как вы сами только что заметили, по поводу и без повода сразу же стремится найти таблетку, совершенно не задумываясь о побочных эффектах. Но если это не физический недостаток… Решение, не подразумевающее никакой химии, звучит неплохо.

Она повернулась к Ханне.

– Мы все решим и найдем кого-нибудь, с кем ты сможешь говорить.

Ханна хлопнула Сюзетту по руке, презрительно скривила губу и сердито зарычала. Сюзетта метнула в нее предупреждающий взгляд и украдкой посмотрела на доктора, желая убедиться, что он ничего не видел.

Ханна вскочила на ноги, сложила на груди руки и встала у двери.

– Мы закончим буквально через минуту.

Сюзетта постаралась вложить в интонацию все терпение, на которое только была способна.

Доктор повернулся обратно на стуле и тихо засмеялся.

– Я никоим образом вас не порицаю, юная леди, ведь в такой солнечный день вам пришлось торчать у врача. – Он встал, и Сюзетта с Ханной – вслед за ним. – Как только получите направление, а на это, скорее всего, уйдет несколько дней, свяжитесь непосредственно с доктором Ямамото и запишитесь к ней на прием. Она специализируется на психологии детского развития, прекрасно ладит с ребятишками и считается очень авторитетным экспертом. Надеюсь, Ханна найдет с ней общий язык. Когда будете отсюда уходить, вам распечатают всю необходимую информацию.

– Огромное вам спасибо.

– Думаю, она даже сможет посоветовать вам какую-нибудь школу.

– Отлично.

Сюзетта посмотрела на дочь и совсем не удивилась хмурому, сердитому выражению ее лица. Своим отвратительным поведением Ханна добилась, что перед ней закрыли двери три начальные школы и два детских сада. Сюзетта пришла к выводу, что ее отношения с дочерью улучшатся только тогда, когда Ханна пойдет учиться и они перестанут находиться вместе двадцать четыре часа в сутки. Ей действительно очень хотелось, чтобы они стали лучше понимать друг друга. Она устала без конца орать на дочь. Может, это был и не самый действенный метод воспитания, но девочка все время давала ей поводы – большие и маленькие – это делать: обрывала на комнатных растениях все листья, разматывала по дому клубки ниток, незаметно подливала в апельсиновый сок средство для снятия лака, швыряла мячами в стеклянную стену их дома, неподвижно смотрела на нее в упор, отказываясь шевелиться или моргать. Разбрасывала по всей комнате, как дротики, остро наточенные карандаши. Ханна изобретала множество способов поразвлечься, и практически все они относились к категории недопустимых.

Поскольку доктор подтвердил, что с физиологией у нее все в порядке, пришло время убедить Алекса подыскать для Ханны школу для ее же собственного физического и душевного благополучия. Кто-нибудь другой, может, и смог бы призвать дочь к порядку и преуспеть там, где у нее ничего не получалось. Она не могла сказать мужу, что ей тоже нужны личное пространство и время на себя. При нем Ханна вела себя очень даже мило. Там, где Сюзетта видела злобное баловство, он усматривал лишь глупость, а вызывающие выходки

дочери списывал на ее нестабильное эмоциональное состояние. И в упор не замечал собственного притворства, считая все происходящее совершенно нормальным, да при этом еще похваляясь, что она развита не по годам. Значит, Сюзетта возьмет на вооружение следующий аргумент: одаренной Ханне стало скучно; девочке нужно больше стимулов, которые дома ей никто не даст.

Так или иначе, но она не допустит, чтобы дочь и дальше коверкала ей жизнь.

Взявшись за руки, они начали безмолвную борьбу, кто сильнее сожмет ладонь другого. Сюзетта улыбнулась медсестрам и направилась к выходу.

ХАННА

Порой мама напоминала осьминога, сжимавшего в каждом щупальце по острому лезвию. Когда она обижала ее, заставляя чувствовать себя никчемной, Ханна считала справедливым тоже в ответ причинять ей боль. Девочке не нравилось, что доктор Брови Гусеницы просвечивал ее рентгеном, пытаясь обнаружить, что с ней не так. Не нравилось, как мама отзывалась о ней, будто о дефективной, никудышной. Но что еще хуже, все это было лишь игрой. Маме просто хотелось найти подходящий предлог, чтобы ее куда-нибудь сплавить. Ханна много раз видела, как мама проделывала нечто подобное, например, в магазине:

– Это брак, я могу вернуть деньги?

Ханна знала, что мама хочет от нее избавиться; она всегда предпринимала попытки ее бросить. Вот почему она так стремилась устроить ее в школу, хотя у Ханны имелись веские причины увиливать от этого: постоянный шум, жадные сверстники, приступы паники оттого, что кто-то без конца нарушает твое личное пространство. К четырем годам она раскусила и другие мамины уловки вроде нянь. Такое поведение недопустимо: мама проваливала экзамены, в ходе которых ей следовало доказать свою материнскую любовь. Но чем хуже Сюзетта вела себя, тем больше возможностей загладить вину старалась ей предоставить Ханна. Хотя не всегда понимала правила их войны и, как ни напрягала мозг, не могла вспомнить, кто ее начал.

Абха. Так звали последнюю няню. Это имя навсегда останется в памяти Ханны, потому что напоминало ей «АББУ» – группу из папиного детства. Он любил

кружить ее в танце, держа на руках и напевая Dancing Queen. Абха была ни в чем не виновата. Настроение у Ханны испортилось еще до того, как девушка нажала кнопку дверного звонка. Ей хотелось одеться, отправиться на вечеринку, чтобы папины друзья ей улыбались и говорили приятные слова, а не оставаться дома, чувствуя себя брошенной и забытой, в компании очередной пучеглазой незнакомки.

Она вспомнила, как однажды на цыпочках прокралась в мамину комнату. Увидев, что та стоит в ванной перед зеркалом в облегающем черном платье, она опустилась на четвереньки и подползла к маминой стороне кровати. Для Ханны это была уже не первая миссия по слежке и сбору информации. Девочка знала все мамины привычки, например, та всегда выбирала драгоценности, прежде чем одеться, а потом оставляла на прикроватном столике, будто потерянное сокровище. Мама планировала надеть сверкающие серьги-кольца и кулон с драгоценным камнем, по цвету напоминающим воду в бассейне, на изящной цепочке.

Ханна схватила серьги со столика и утащила в свою комнату.

Времени было немного – мама собиралась выходить – поэтому она спрятала их в дырке на спине Манго, старой-престарой плюшевой обезьянки, которую использовала как тайник. Она быстро переоделась в блестящее бледно-лиловое платье, которое оказалось ей маловато, потому что она успела подрасти с того момента, когда надевала его в последний раз, но ничего роскошнее в ее шкафу не нашлось.

Когда Ханна опять вбежала в спальню родителей, мама все еще наносила макияж, прислонившись к раковине, напоминавшей снежный сугроб, поблескивавший застывшими кристаллами льда. Девочка вошла к ней и закружилась в танце, сделав несколько пируэтов. Платье все еще смотрелось прелестно, хотя и жало в плечах.

– Я думала, ты наденешь пижаму, – произнесло мамино отражение в зеркале.

Ханна чуть подпрыгнула, показала на маму пальцем и мысленно произнесла: «Давай, давай, давай».

Та засунула кисточку обратно в тюбик и повернулась к ней. Ханна не сомневалась: мама заметит, как необычно она выглядит, какой стала взрослой и ослепительной, что готова пойти на вечеринку. Она представила, как папа будет повсюду водить ее за собой, приговаривая: «Посмотрите, ну не прекрасна ли моя маленькая непоседа?!».

– Я уже говорила тебе, да и папа утром тоже сказал: эта вечеринка для взрослых, детей туда не приглашали, тебе нечего там делать. Собирайся-ка лучше спать. С минуты на минуту приедет няня…

Ханна запрокинула назад голову и в знак протеста завопила. Когда мама решительно вышла из ванной, девочка бросилась за ней, схватила за подол блестящего платья и крепко сжала. Это было несправедливо. Мама весь день болталась по дому: перед вечеринкой надо было сделать какие-то дела, принарядиться – это очевидно. Бодрым голосом запрашивала подтверждение у компании, согласившейся прислать к ним няню, и названивала папе, спрашивая, как у него дела: «Тебе больше ничего не надо? Может, захватить что-нибудь еще?». Ханне пришлось ужинать одной, в то время как мама стояла в маленькой ванной на первом этаже и укладывала волосы в высокую прическу. Ей только этого и хотелось: выбросить дочь из головы, вышвырнуть из своей жизни и забыть.

Ханна протянула ладонь и кончиками ногтей провела по обнаженной маминой коже, чтобы та наконец поняла, чего она от нее хочет. Для девочки это было своего рода «пожалуйста». В горле комом встали слезы.

Но было слишком поздно: мама уже посмотрела на прикроватный столик.

– Где мои серьги?

Она застегнула небольшое колье, продолжая рыскать взглядом по комнате в поисках пропажи. Затем задрала вверх подол узкого платья, опустилась на колени и стала шарить руками по полу, будто серьги превратились в невидимок. Затем подняла голову и встретилась взглядом с дочерью.

– Это ты взяла мои серьги?

Ханна не двинулась с места и даже не моргнула.

– Они с бриллиантами. Очень дорогой подарок, сделанный… Это ты их взяла?

В дверь позвонили.

Мама встала. Затем, тяжело дыша, злобно посмотрела на дочь.

– Пожалуйста, Ханна. В прошлый раз… Те серьги ничего не стоили, но… Прошу тебя.

Та же неподвижность. Тот же застывший взгляд.

Звонок повторился.

Мама громко фыркнула и вышла. Ханна побежала за ней. Может, она выйдет из себя, отошлет няню обратно, а потом перевернет дом вверх дном в поисках украшения? Вот было бы зрелище: мама устраивает в доме бардак! А потом Ханна «найдет» их и отдаст. Мама будет счастлива и возьмет ее с собой на вечеринку.

В темном блестящем платье мама напоминала разъяренную волну, катившуюся водопадом по ступенькам вниз к входной двери.

– Здравствуйте, большое спасибо, что пришли. Я Сюзетта, а это Ханна.

– Здравствуй, Ханна. Я Абха.

У нее были черные прямые волосы. Когда няня наклонилась и улыбнулась девочке, они каскадом рассыпались по плечам.

– Входите. Она еще не говорит…

– Вы приучили ее к горшку? – спросила Абха, переступая порог.

– Конечно.

Ханна заревела, как лев, наступивший на колючку. Эта дура еще пожалеет, что посчитала ее младенцем: ей уже целых четыре года.

Мама показала няне кухню – располагайтесь – и объяснила, как пользоваться пультом от телевизора на случай, если той захочется что-нибудь посмотреть.

– Когда Ханна уснет, мне надо будет позаниматься.

– Вы учитесь в университете Питтсбурга? – спросила мама.

– Да, на третьем курсе.

Когда она повела Абху наверх, показать второй этаж, Ханна поплелась за ними, все больше раздражаясь и огорчаясь. Мама явно собиралась бросить ее вместе с этой нянькой, даже не отыскав бесценные серьги с бриллиантами.

– Ханна может закатить истерику и заявить, что хочет лечь в нашей комнате – что-то подобное она проделывала и раньше с другими нянями, – но при этом знает, что ей полагается спать в собственной кровати.

Мама щелкнула выключателем в комнате дочери.

– После моего ухода ей можно пятнадцать минут посмотреть телевизор, но потом пусть сразу идет в постель. Можете почитать ей какую-нибудь книжку.

– Ханна одета как принцесса. Ты что, принцесса?

Вот идиотка! Это же платье для вечеринки.

– У нее под подушкой лежит чистая пижама.

Абха протянула Ханне руку.

– Пойдем посмотрим телевизор? Какие передачи ты любишь?

Мама повела их вниз, но Ханна так и не взяла Абху за руку.

– Она знает, какие каналы ей позволено смотреть. Номера наших мобильных найдете на холодильнике…

Ханна побежала вперед и плюхнулась на диван. Услышав, что платье где-то треснуло по шву, она ничуть не расстроилась: подумаешь, надо будет показать папе, и он купит новое. Потом нажала несколько кнопочек на пульте от большого телевизора… Но мама еще не закончила разговор с Абхой.

– Я просила агентство прислать опытную няню, ведь с Ханной порой бывает непросто. – С этими словами она бросила на дочь неодобрительный взгляд и посмотрела ей в глаза. – Мне просто хотелось бы до конца убедиться, что вы в самом деле…

– Не волнуйтесь, я прошла сертификацию, умею делать искусственное дыхание и закрытый массаж сердца, знаю, что делать, если ребенок подавился. Мне довелось целый год нянчиться с двухлетними близнецами, а в собственной семье я одновременно и старшая сестра, и младшая, а заодно и тетя. Так что детей в моей жизни всегда хватало.

– Ну хорошо, я просто не хочу, чтобы вы… Поскольку девочка не говорит, с ней могут возникнуть проблемы. Поэтому прошу вас, если что не так, тут же звоните нам. В этом нет ничего страшного.

– Хорошо, позвоню, не волнуйтесь.

– Доброй ночи, маленькая моя. Будь паинькой.

Мама послала ей воздушный поцелуй, который испарился еще до того, как долетел до дивана.

– Почему бы тебе не переодеться в пижаму перед тем, как смотреть телевизор? Ты точно не знаешь, где мои сережки?

Ханна сделала телевизор громче, но все равно услышала, как мама ушла, закрыв за собой дверь. Абха села рядом, и девочка подавила желание вцепиться в ее длинные волосы, повиснуть и немного на них покачаться. Няня улыбнулась, однако Ханна в ответ лишь уставилась на нее хмурым взглядом. И смотрела так

до тех пор, пока возникшая в животике боль не навела ее на самую что ни на есть удивительную мысль.

Она вскочила на ноги, перепрыгнула через спинку дивана и помчалась наверх.

– Наденешь пижаму? – бросила ей вслед Абха.

Ханна с ухмылкой кивнула, с восторгом жаждая осуществить намеченный план.

Добежав до комнаты, она уже успела наполовину снять платье, потом бросила его на пол.

А минуту спустя уже встала на пороге ванной со спущенными трусиками и завопила во все горло, для ровного счета добавив еще пару пронзительных воплей на случай, если Абха ничего не услышала за работающим телевизором.

Перепуганная няня лихорадочно взлетела по лестнице. Когда Абха увидела суть проблемы – лужицу мочи и кучку какашек, оставленных ею на полу, Ханна заревела еще пуще, хотя на самом деле ей хотелось смеяться.

– О нет… Ты ведь это случайно?

Ханна кивнула, все так же продолжая орать.

– Не переживай, мы сейчас все уберем.

При этом Абха сморщила нос, и Ханна поняла, что весь этот бардак ей отвратителен. Так ей и надо, пусть не думает, что ее могли не приучить к горшку.

Она позволила няне помыть ее и переодеть, перед тем как уложить в постель, хотя могла бы справиться и сама. Потом прислонилась к перилам холла, скрестила ноги и стала жадно наблюдать, как Абха будет убирать за ней. Она знала, как это делала мама, даже однажды видела, когда в возрасте двух лет на вполне законных основаниях не успела сделать свои дела на горшке. Под каждой раковиной в доме хранился запас чистящих средств и перчаток, но вот Абха об этом ничего не знала.

Няня встала, уперев руки в бока и прикидывая варианты.

– Губки и аэрозоли у мамы на кухне есть?

Ханна кивнула, поджав губы, чтобы не ухмыляться. В конце концов, вечер обещал выдаться не таким уж скучным. Она вприпрыжку носилась за няней, жадно ловя каждое ее движение.

Абха сняла все свои серебристые колечки и положила их на кухонную стойку. Ханна проявила к ним такой интерес, что тут же перестала замечать ее саму. А когда няня задала какой-то вопрос, безропотно позволила ей подняться одной наверх, вооружившись перчатками, бумажными салфетками и чистящими средствами.

Каждое из четырех колечек было по-своему привлекательно. Но она остановилась на самом маленьком – плетеном, с красным камушком посередине. Ханна понимала, что Абха обязательно спросит, куда подевалось кольцо, и поэтому, чтобы избежать очередного сеанса игры в саму невинность, решила лечь спать. Но перед этим спрятала пульт от телевизора, обрекая Абху весь вечер смотреть глупые мультики.

Когда девочка поднялась наверх, все уже было убрано. Абха стояла на четвереньках, надраивая пол. Девочка зевнула и направилась в свою комнату.

– Ложишься спать?

Ага.

– Я сейчас все закончу и тебя уложу.

Перед тем как скользнуть под одеяло, она доверила Манго еще одно сокровище. Потом услышала, как Абха за стенкой отмывала руки под струей воды. А когда пару минут спустя няня вошла и прикоснулась к ее лбу тыльной стороной ладони, та была еще влажной.

– С тобой все в порядке? – спросила она, и Ханна согласно кивнула. – Хорошо. Хочешь, я почитаю тебе книжку?

Девочка покачала головой. Она любила слушать, только когда ей читал папа. Вместо этого показала на щечки, сначала на одну, потом на другую, чтобы Абха ее поцеловала и пожелала спокойной ночи.

Чмок-чмок.

– Спи сладко.

Чмок-чмок.

Когда Абха собиралась выпрямиться и сесть, Ханна схватила толстую прядь ее волос. Они показались ей достаточно крепкими для того, чтобы на них покачаться. Девочка слегка дернула их, проверяя на прочность.

– Эй.

Абха попыталась высвободить волосы, но Ханна их не отпустила, вцепившись двумя руками.

– Что ты делаешь?

Девочка лишь глазела на нее в упор с довольной улыбкой на лице.

– Дай мне встать.

Но Ханна не ослабляла хватку.

– Ханна…

Абха попыталась разжать ей пальцы, но от этого девочка, наоборот, вцепилась в волосы еще крепче. А потом опять дернула и подтянула ближе к себе ее лицо. Абха, похоже, немного запаниковала.

– Прекрати, это не смешно.

Дерг.

– Ай! Ханна!

Девочка по-прежнему тянула ее на себя. Медленно. Ближе и ближе. Зная, что, если няня попытается вырваться, ей будет еще больнее.

Оказавшись нос к носу, они устроили игру в гляделки.

– Я скажу маме.

Ханна пожала плечами. Но у Абхи плохо пахло изо рта, и девочка не хотела, чтобы няня долго дышала ей в лицо. Время действовать.

– Р-р-р! – заревела Ханна.

В ее собственных ушах рык прозвучал совсем как настоящий.

Абха от испуга отпрыгнула назад и завопила. Потом схватилась одной рукой за голову, другой – за волосы, и на глазах у нее выступили слезы.

Ханна засмеялась и разжала пальцы.

Абха непонимающе посмотрела на нее, а потом выбежала из комнаты, выключив свет и закрыв за собой дверь.

Девочка понимала, что няня больше не вернется, даже за пропавшим кольцом. Скорее всего, Абха расскажет обо всем папе и маме, но оно и к лучшему. Мама обязательно спросит ее, не украла ли она у няни кольцо и не специально ли накакала на пол. Но папа ответит, что его бедной lilla gumman[3 - Lilla gumman (швед.) – крохотуля.] просто неуютно среди чужаков.

Когда Ханна несколько часов спустя проснулась, в доме было тихо и темно. Решив завершить свой акт мести, она вытащила колечко из спины Манго, но потом немного подумала и засунула обратно: оно ей понравилось, и в один прекрасный день, она, быть может, захочет его поносить – когда вырастет.

Бульк! Бульк! Две бриллиантовые сережки шлепнулись в унитаз. Ханна запомнила, как закрутились-завертелись побрякушки перед тем, как их навсегда унесла с собой сливная волна.

После этого мама никогда больше не оставляла драгоценности рядом с кроватью. И не приглашала нянь. Воспоминания об этом вызывали на лице Ханны улыбку, однако в машине было жарко и хотелось есть. Какая-то часть ее стремилась вернуться назад, в трубу, где она могла представлять себя внутри звездолета, кружащего на орбите. Но иногда девочка не могла сказать, где хотела бы оказаться. Далеко-далеко в космосе? А может, наоборот? Порой ей хотелось вспомнить свое пребывание у мамы в животике. Может, они были по-настоящему счастливы, когда у них была одна кровь на двоих и одна на двоих тайна?

СЮЗЕТТА

Прежде чем застегнуть ремень безопасности, она подсунула под него небольшую дорожную подушечку, поместив ее на животе. Признаться, это не было такой уж необходимой мерой предосторожности, но порой, когда машина колесом попадала в рытвину, Сюзетта морщилась от боли. Она описывала Алексу свои ощущения, которые испытывала во время восстановительного периода. Как-то раз, в самом начале их отношений, они отправились в оранжерею Фиппс и без особой цели бродили по залам, подолгу останавливаясь перед каждым причудливым растением, привлекавшим их внимание. Они стояли плечом к плечу в залитом солнцем стеклянном павильоне, завороженно глядя на растения, тянущиеся к свету.

– Примерно так же порой чувствую себя и я. Такое ощущение, будто в разные стороны тянутся нити и потом сплетаются воедино. Как то растение, за ростом которого мы наблюдали в оранжерее Фиппс.

– Чувство, должно быть, странное, – сказал Алекс, ласково поглаживая жену.

– По правде говоря, это несколько пугает меня.

Мысль о том, что организм сам знает, как себя исцелить, приносила утешение, хотя она по-прежнему хотела, чтобы он восстановился правильно и без сбоев,

которые привели бы к образованию новой фистулы.

Сюзетта сосредоточилась на дороге: в полдень в Окленде всегда царил хаос. Она пожалела, что не поехала по другому маршруту. В этом случае ей удалось бы остановиться у офиса Алекса: его компании принадлежало здание на площади МакКи, в котором раньше располагалась церковь. Они с Мэттом, его партнером, провели полную реконструкцию, сохранив главный зал, открытый и просторный, и превратив его в конференц-холл с огромным столом. Сюзетта знала, что Ханне нравится этот атрий, когда-то служивший алтарем. В крыше установили стеклянные окна, чтобы деревья тянулись к свету. Девочка с удовольствием согласилась бы заехать к папе: он легко и непринужденно осыпал ее ласками и поцелуями. Порой Сюзетте было досадно, что Ханна в его присутствии буквально светилась и платила папе той же любовью. Никто бы не упрекнул Сюзетту, что сама она никогда не пыталась любить ее сильнее, но все усилия сходили на нет, потому что Ханна постоянно ее от себя отталкивала. Но на приеме у врачей девочка вела себя хорошо и поэтому заслуживала небольшого вознаграждения.

– Ну что, Ханна, хочу поблагодарить тебя за то, что сегодня ты была такой умницей. – Она поглядела в зеркало заднего вида, но дочь не удосужилась посмотреть ей в глаза. – Почему бы нам не заехать в супермаркет, чтобы ты выбрала себе небольшой…

Ханна радостно захлопала в ладоши. Сюзетта улыбнулась, довольная собой.

– Ты становишься такой большой девочкой. Да и доктор сообщил прекрасные новости: с тобой все в полном порядке. Ты совершенно здорова. Думаю, пора подыскать тебе школу. Теперь тебе, пожалуй, понравится там больше.

Ханна ударила кулаками по окну и заорала так, будто проснулась в гробу.

– Прекрати!

Сюзетта не думала, что у дочери хватит сил выбить стекло, но та, похоже, решила все же попробовать. Она пожалела, что испортила такой хороший момент.

– Ну хорошо! Прямо сейчас ты в школу не пойдешь. Мы подыщем что-нибудь осенью…

Ханна все так же барабанила по окну и гневно вопила.

Сюзетта хотела быстро повернуться и хлопнуть ее по коленке, но машины двигались в плотном потоке на расстоянии пары дюймов друг от друга, поэтому она не могла рискнуть и отвлечься от дороги. Зачем она вообще завела этот разговор? Очередная глупая родительская неудача. На светофоре милосердно зажегся красный, и она нажала на тормоз. А потом буквально сорвала с себя ремень безопасности, чтобы он не мешал ей повернуться.

– Немедленно прекрати! Если будешь капризничать, ни в какой супермаркет мы не поедем!

Ханна тут же подавила приступ гнева. Они опять устроили соревнование, кто кого переглядит, которое Сюзетта проиграла, переведя взгляд на светофор. Но уже в следующее мгновение вновь повернулась к дочери.

– Думаешь, это весело? Все эти игры, в которые ты играешь? В один прекрасный день ты попадешь из-за них в беду. У тебя не получится всегда стоять на своем.

Ханна улыбнулась и согласно кивнула.

Сзади посигналили.

– Ладно! – Сюзетта нажала на газ, машина дернулась вперед, и она одной рукой опять застегнула ремень безопасности. – Надеюсь, в магазине ты проблем мне не создашь. Если будешь вести себя хорошо, выберешь, что захочешь.

Сюзетта заметила на лице дочери самодовольную улыбку. Ханна, вероятно, решила, что выиграла, но проблему школы со счетов ей так просто не сбросить. Перед тем как вернуться к обсуждению этого вопроса, стоит привлечь на свою сторону Алекса. А сегодня, если повезет, ей удастся ублажить Ханну коробкой черники в темном шоколаде и провести остаток дня спокойно.

* * *

В магазине девочка бросала любимые лакомства в тележку, которую Сюзетта, погруженная в свои мысли, катила перед собой. Алекс. Обнаженный. Его губы. Руки, в объятиях которых ей так спокойно. Его грудь. Они – такая гармоничная пара… Ей не нравилась модная бородка мужа, но она ему шла. Немного рыжее основного темно-русого цвета его волос.

Алексу же нравилась ее косметика и парфюмерия. Он любил красоту – в Сюзетте, в их дочери. Муж хорошо одевался и поддерживал форму, но назвать его красивым в традиционном понимании было нельзя. Но в то самое мгновение, когда он заговорил с ней, стоя у кофейного автомата, на ее первой и последней после окончания школы работе, она почувствовала неподдельные интерес и волну тепла, исходившие от него. От доброты он преобразился, общаться с ним оказалось так легко и приятно.

На пути к отделу охлажденных продуктов Сюзетта вдруг вспомнила, что забыла взять бананы. Она посмотрела в тележку и приятно удивилась, что Ханна не накидала ничего необычного, лишь ее любимые хлопья, банку консервированных персиков, пакет экологически чистых чипсов из тортильи и замороженную пиццу со шпинатом. Сюзетта испытала редкий для нее прилив гордости, надеясь, что ей удалось научить Ханну выбирать полезные для здоровья продукты.

– Чернику не хочешь взять? – спросила она, когда они покатили обратно мимо фруктов, орешков и шоколада.

Ханна нахватала кучу пакетов с различными ягодами в шоколаде.

– Эй, по одной упаковке.

Дочь и так уже набрала больше положенного, но Сюзетте хотелось, чтобы Алекс одобрил вознаграждение, которое благодаря ей получила девочка. Она знала, какой он хотел видеть их семью: хорошая дочь, идеальная жена. Заботливая, любящая мать, с успехом избавившая ребенка от страха перед врачами и нашедшая способ помочь их нежно любимой дочурке. Образцовая, преданная супруга, ревностно хранящая семейный очаг. До появления Алекса она много лет жила на дне пропасти и возврата в нее не вынесла бы.

Когда Ханна ее не слушалась, Сюзетта решительно выкладывала из тележки лишние пакеты. Девочка лишь немного ныла, без особого энтузиазма топая ногой.

– Это и так в несколько раз больше того, что ты обычно берешь.

Ослепив ее победоносной ухмылкой, Ханна восторженно ринулась к отделу овощей и фруктов.

Где-то в магазине заплакал маленький ребенок. Узнав протяжные, решительные вопли приступа гнева, Сюзетта тут же прониклась симпатией к его родителям. Когда она подошла в отдел овощей и фруктов, в котором мать пыталась одной рукой удержать зашедшегося в крике малыша, только недавно начавшего ходить, а другой – катила перед собой наполненную доверху тележку, рев стал громче. Беснуясь, ребенок орал все неистовее и настойчивее, и Сюзетта разобрала отдельные слова: «Хочу!», «Нет!».

В тот самый момент, когда она собиралась приказать Ханне не лизать лимоны, та сама оставила их в покое и пошла поглазеть на припадок детской ярости. Настороженно поглядывая на нее, Сюзетта положила в тележку бананы, яблоки, брюссельскую капусту и ингредиенты для салата.

– Ханна, пойдем.

Малыш с раскрасневшимся лицом старался вырваться из материнских рук. А когда понял, что это ему не удастся, напрягся всем телом и взвыл в потолок. Другие покупатели – с бледными осуждающими лицами – образовали вокруг всей этой суеты широкий полукруг. Ханна подошла вплотную к орущему малышу, склонилась и приложила к губам палец. Тсс.

Малыш на мгновение испугался и затих.

– Ханна, пойдем, нам надо идти.

– Какая славная девочка, – сказала мать мальчонки.

– Спасибо.

Не веря, что Ханна действительно славная, Сюзетта протянула руку, зная, что дочь ее не возьмет, но надеясь, что это сподвигнет ее двинуться дальше.

Ребенок опять разразился криком, на этот раз избрав предметом своего гнева Ханну. Он внезапно ударил ее хилым кулачком и опять заверещал.

– Брэндон, неужели ты не понимаешь, так нельзя… – сказала ему мать.

Не успела Сюзетта ее удержать, как Ханна сложила руку в тугой решительный кулак, замахнулась и заехала мальчику сбоку по голове. Тот пошатнулся, замер в изумлении и плюхнулся на пол.

– О нет! – Сюзетта подбежала к Ханне и оттащила ее. – Простите, простите нас.

С потрясенным выражением лица мать подхватила Брэндона на руки. Малыш залился слезами и хрипло завопил от боли.

– Он в порядке? Простите меня. – Сюзетта гневно опустила глаза на дочь. – Драться нельзя.

Та показала на мальчика, молча осуждая его как зачинщика.

Держа Брэндона подальше от них, мать осмотрела его глаз, ушко и нежный, уязвимый висок. Потом стала баюкать, пытаясь утешить и осушить слезы.

Увидев полный ненависти, сердитый взгляд женщины, в котором явственно читалось «Как вы посмели еще больше испортить мне день?», Сюзетта схватила Ханну за руку и направилась к спасительным кассам. Она с удовольствием бросила бы тележку и с позором бежала бы, но если Ханна уйдет из супермаркета без угощения, будет еще хуже.

Пока кассирша сканировала покупки, Сюзетта что-то лепетала с трясущимися руками.

– Ханна, тебе известно, что драться нельзя. Тем более, он совсем еще маленький… Хотя это неважно, бить людей вообще нельзя. Драться плохо, и тебе это хорошо известно…

Ханна со скучающим видом вздохнула. Выходя из магазина, Сюзетта опустила голову, уверенная, что на нее станут показывать пальцем: мать, неспособная держать в узде своего агрессивного ребенка, который ударил кулаком малыша.

– Поверить не могу, что ты так поступила.

Устроившись на сиденье и пристегнув ремень, Ханна устремила на Сюзетту выжидательный, немигающий взгляд. Потом склонила набок голову и скривила рот. Сюзетта точно знала, чем это грозит: собственной истерикой дочери, если мать не даст ей что-нибудь вкусненькое.

Она положила покупки на переднее сиденье, чтобы Ханна не могла до них дотянуться, и выудила пакет черники в темном шоколаде.

– Это тебе в награду не за то, что ты сделала в магазине, – сказал она перед тем, как передать его дочери, – а за хорошее поведение у врача. Но о твоем поступке нам придется поговорить с папой, потому что драться неприемлемо. Договорились?

Ханна ухмыльнулась, разорвала пакет, и Сюзетта, да поможет ей Бог, увидела на лице девочки лишь дьявольскую гордость. Ей захотелось вырвать пакет из ее рук, но она слишком устала и хотела как можно быстрее вернуться домой.

Надеяться, что целый день пройдет хорошо, было уже слишком.

Пока они ехали, Ханна неспешно грызла свою чернику и монотонно мурлыкала какую-то мелодию, звучавшую в ее исполнении почти весело и нормально. Сюзетта молилась, чтобы шоколада хватило укротить дочь до возвращения Алекса. Он вернется, и она наденет свою ангельскую маску, чтобы изображать примерную папину девочку.

ХАННА

На плотно застроенной улице Шейдисайд их дом выделялся своим футуристическим дизайном. Девочка любила его, он был ей хорошо знаком и казался надежным, ведь все в нем придумал папа. Он всегда говорил, что мама

помогала ему с внутренней отделкой, но Ханна знала, что ее вклад ограничился лишь выбором мебели, не особо отличавшей от той, что она видела в каталогах «ИКЕА»: белый интерьер, на вид из натурального дерева. Но волшебная часть обстановки всецело была детищем папы: стеклянная стена во всю высоту двухэтажного дома с видом на большой сад. Лестница, достойная космического корабля. Простота и функциональность интерьера в целом, даже лучше, чем в летающей тарелке.

Угловой диван в гостиной сделали на заказ. Ханна любила сигать вниз с широких полочек, торчавших у него по бокам. Мама всегда орала: «Не вставай на столики!», но девочке они казались вышками для прыгунов в воду. Ей нравилось тыкать пальцами в горшки с растениями, проверяя, не надо ли их полить, но мама вечно кричала, что она лишь раскидывает по полу грязь, а Сюзетта была помешана на чистоте. А еще она любила орать, когда рядом не было папы. Ханне нравилось играть в обнесенном оградой саду: высокий забор и живая изгородь служили барьером, который не только закрывал собой другие дома, но и скрывал их самих от любопытных соседских глаз. Ни одна живая душа не донимала ее, когда она носилась вокруг, спасая пассажиров с тонущего корабля. Перед тем как втолкнуть их в спасательную шлюпку, она воровала у них из карманов деньги и срывала украшения. А иногда наворачивала галопом все новые и новые круги верхом на великолепном коне серой масти.

Она стояла перед огромным экраном и переключала каналы.

– Ханна, сейчас не время для телевизора, ты еще не сделала уроки.

За спиной мама раскладывала по шкафчикам покупки из супермаркета. Шкафчики ассоциировались у девочки с туманом. Малышкой она как-то забралась на кухонную стойку и аккуратно вытащила из них все тарелки и миски. И уже собралась залезть внутрь, чтобы поглазеть на туманный шкафчик изнутри, представляя его облаком, но в этот момент чьи-то руки подхватили ее, и папин голос спросил: «Чем это ты здесь занимаешься, маленькая обезьянка?». Он совсем не рассердился, и она захихикала.

Ханна продолжала тыкать кнопки на пульте, прекрасно отдавая себе отчет в том, что пальцы у нее липкие. Перед мысленным взором проплыла картина, тут же превратившаяся в реальность: мама подошла к ней, вырвала пульт и с отвращением посмотрела на дочь: «У тебя руки в шоколаде…»

Потом прищелкнула языком, выключила телевизор, унесла пульт с собой на кухню, взяла бумажную салфетку и, схватив яркий аэрозоль, стерла оставленные дочерью следы. Ханна широко улыбнулась, прикрыла лицо рукой и стала слизывать с нее остатки шоколада.

– Ну, давай для начала немного повеселимся и устроим небольшой конкурс по орфографии. У тебя будет возможность произвести на меня впечатление резкими выражениями, которые тебе известны.

Мама вытащила все необходимое из шкафчика, где хранились школьные принадлежности. Ханна поплелась к креслу и забралась в него с ногами, усевшись за большой трехсекционный стол, застывший между кухней и гостиной.

Мама сунула в электроточилку карандаш и жужжала ею до тех пор, пока тот не стал достаточно острым для того, чтобы выколоть глаз. Этот этап Ханне нравился, и она стала наблюдать за тем, как мама точит второй карандаш. Потом та протянула оба карандаша дочери и подтолкнула лист бумаги.

– Сегодня мы ограничимся малым и устроим короткий учебный день. Первое слово: любить. Я люблю спать. Ты любишь желтый цвет. Любить.

Пока Ханна писала ответ, мама сунула книгу для чтения под мышку, чтобы дочь не могла подглядеть ответ, и вышла на кухню за двумя белыми таблетками и стаканом воды. Потом вернулась и выпила их.

– Ну что, сделала? Готово?

Мама села напротив и помассировала голову с обеих сторон, отчего выражение ее лица приняло странный, неуверенный вид.

Ханна протянула бумагу и дала ей прочесть написанное.

НЕНАВИДЕТЬ

– Неплохая попытка, но сегодня у нас не игра в ассоциации. Не хочешь написать слово любить?

Ханна покачала головой. Она знала, что мама призывала все имевшееся у нее в запасе терпение, когда они делали уроки, потому как считала это занятие важным. Папа без конца это повторял, и девочка обычно старалась как могла, чтобы привести его в восторг своим усердием. Но мама должна понимать, что произойдет, если ее силком отдадут в школу. Не надо было ей поднимать этот вопрос.

– Ладно, давай возьмем другое слово. Как насчет… лета. Через пару недель наступит лето. Каждое лето к Ханне приезжают фармор и фарфар[4 - Farmor, farfar (швед.) – бабушка и дедушка по отцовской линии.].

Тоже мне задачка. Ханна написала что-то на бумаге и перевернула ее показать маме.

СУКА

Из маминой груди вырвался тяжелый вздох.

– Не самое милое слово. Я даже не удивляюсь, что ты его знаешь, но не могла бы ты писать то, о чем я тебя прошу? Чем скорее мы с этим покончим, тем быстрее перейдем к чему-то другому.

Ханна неподвижно застыла, готовая к следующему слову.

– Клубника. Клуб-ника. Она не могла есть только клубнику.

Ханна прикрыла бумагу рукой, чтобы мама не увидела, что она пишет.

– Для одного слова как-то длинновато. Что ты там такое строчишь?

Ханна захихикала, продолжая водить карандашом. А когда все было готово, представила свой шедевр.

Да пошла ты, дура бесмосглая

У мамы задергался глаз, и она с силой стиснула челюсти.

– Ну хорошо, на этом достаточно, можешь еще немного позаниматься сама.

Мама встала и потянулась к проверочной работе по правописанию.

Однако Ханна оказалась к этому готова: она разорвала бумажку на мелкие кусочки и рассыпала их по столу.

– Разумеется, никаких доказательств для папы. Ханна, я не хочу сейчас с тобой заниматься. Знаю, тебе не понравились ни компьютерная томография, ни новый доктор, поэтому давай договоримся, что до конца дня ты не будешь больше доставлять мне проблемы, хорошо?

Она смела клочки бумаги в ладонь.

Какие там проблемы, это же весело. Вот как бывает, когда мама теряет терпение. Гадкая, гадкая мама. Может, сделать ей дневник и показать его папе, украсив огромным жирным «неудом»? Впрочем, мама еще не собиралась сдаваться. Она взяла другой учебник и повернула его, чтобы Ханна увидела.

– Можешь прочесть вот этот небольшой кусочек… Он о Древнем Египте: пирамиды, фараоны – что-то вроде королей и королев, тебе понравится. На следующей странице тоже. Послушай, если постараешься, можешь написать что-нибудь иероглифами, они похожи на тайный язык. Например, сочинишь папе секретное послание. Хорошо? Напиши ему, что хочешь. Расскажи, как ударила ребенка в магазине. И как мастерски овладела написанием бранных слов.

Она пошла на кухню, выбросила обрывки проверочной работы в мусорную корзину, потом собрала чистящие средства и резиновые перчатки.

– Кстати, ты допустила ошибку: надо писать «безмозглая». Бесы в голове у мамы не водятся.

Ханна не знала, злиться ей или смеяться. Она не любила, когда ее поправляли. Но всегда с удовольствием глядела на маму в такие минуты, в естественном для нее состоянии ненависти и капитуляции. Папа, если бы это увидел, тут же разглядел бы в ней фальшивку. В его присутствии она всегда была ласковой и щедрой на поцелуи. Но в подобных обстоятельствах не могла устоять и сдавалась. Если Ханна не откажется от своих попыток, мамина маска спадет, папа страшно разозлится и вышвырнет ее из дома.

Читая параграфы, Ханна экспериментировала со звуками.

– Ниа. Биа. Фиа. Пуа. Буа. Дуа.

Ей нравилось их французское звучание.

Она собрала их в непрекращающийся рефрен.

– Ди ди ди ди ди ди ди ди ди дуа буа пуа. Ми ми ми ми ми ми ми ми ниа фиа биа.

Мама подняла голову над ведром с водой с уксусом и взглянула на нее.

– Меньше пой, а больше читай.

– Би би би би би би би, ла ла ла ла ла ла ла-а-а-а-а-а! Дай ди ду ду дай ди ду дай ба ба ба-а-а-а-а-а!

– Если не знаешь, как воспользоваться голосом, лучше что-нибудь скажи. А так ты лишь выдаешь свою тайну и признаешь, что можешь говорить.

Ханна плотно сжала губы, вытянула их трубочкой, втянула воздух и захлопала ресницами. Мама несколько мгновений сердито смотрела на нее, а потом принялась дальше надраивать и без того чистую кухню. Вот идиотка.

То, как выглядели пирамиды, ей нравилось, однако жить в них Ханне не хотелось: ни единого окна. Потом она прочла, что они служили гробницами фараонам. Дома для мертвецов. Чудеса, да и только! Их хоронили с золотом и едой. Будто покойники могут проголодаться или надеть украшения. Это

напомнило ей о том, что она однажды нашла в Интернете на папином компьютере (потому как порой он разрешал ей им пользоваться): сказки о привидениях и ведьмах – существах, не таких, как все, умевших колдовать и делать вещи, от которых волосы вставали дыбом. Однажды, по случаю Хеллоуина, Ханна даже надела черное платье и остроконечную шляпу. Ей отчаянно хотелось знать: а что если они существуют на самом деле? В итоге она взяла в библиотеке книги о всякой нечисти и вывалила папе на колени. Он истолковал все по-своему, терпеливо с ней их прочел, но так и не понял, что она пыталась выяснить, поэтому ей самой пришлось искать о них сведения в Google.

Да, ведьмы существовали в действительности.

Их было великое множество, особенно в прежние времена. Введя в строке запроса «настоящие ведьмы», она вышла на матушку Шиптон и Агнес Сэмпсон[5 - Урсула Саутейл, более известная как матушка Шиптон (1488–1561) – английская провидица, якобы предсказавшая множество событий, в том числе чуму в Лондоне в 1665–1666 годах, вторжение испанской армады и Великий лондонский пожар. Агнес Сэмпсон – шотландская целительница, многими считавшаяся ведьмой. Была сожжена на костре 28 января 1591 года.]. Затем прочла о юных девушках, которых сжигали живьем на костре или бросали тонуть в реку, предварительно привязав камень, под ликующие крики крестьян. Ведьм не любил никто, это было ясно как день, но Ханна никак не могла понять почему. Размышляя о том, в какие веселые игры можно было бы играть, будь у нее подруга ведьма, она хихикала. Вполне возможно, что такая дружба в конечном итоге помогла бы ей сделать то, чего она пыталась добиться в одиночку: выгнать маму, чтобы она никогда больше не возвращалась. Заинтересовавшись охотой на ведьм, она покопалась еще немного и нашла длинный список жертв. Имя одной из них ей до такой степени понравилось, что она помнила его до сих пор: прелестная французская фамилия, сотканная из мягких букв и не имеющая ничего общего с уродливым буквосочетанием нс в ее собственном: Ханна Дженсен.

Она одними губами попробовала произнести слова Мари-Анн Дюфоссе. Если повторять его достаточно часто, может, к ней явится дух этой французской девушки, и они станут лучшими подругами. Они вместе могли бы сочинять песни и распевать их. Мари-Анн научила бы ее накладывать заклятия с помощью слов, которых больше никто не понимал. Заклятия, от которых у мамы разорвалось бы сердце.

Мари-Анн Дюфоссе. Мари-Анн Дюфоссе.

Ха, сработало! Мари-Анн любезно подсказала ей правильное произношение.

– Ниа ниа, ниа ниа. Бу ди бу ди ба-а-а! Буа буа буа буа лу ли лу ли ла-а-а-а!

Мама склонила голову набок. Ханна любила, когда она на нее вот так смотрела, ее взгляд говорил: сдаюсь.

– Отлично.

Она схватила ведро, губку, высоко вскинула голову и вышла. Потом поднялась по лестнице и направилась в их с папой спальню.

Ханна захихикала. Это только начало. Благодаря их с Мари-Анн усилиям мама исчезла.

СЮЗЕТТА

Она заботилась о доме, будто о новорожденном, который нуждался в постоянном уходе. Сюзетта знала, как выглядит убожество: грязное ведро или щербатая миска под каждой трубой и потолок в желтых разводах облупившейся краски. С тех пор как они стали жить вместе с Алексом, ей больше не нужно было думать об этом. Она любила расхаживать по дому босиком, наслаждаясь приятными ощущениями от соприкосновения с различными поверхностями. Любимым у нее был пол в ванной: прохладный гладкий камень. Легкое покалывание в ногах поднималось вверх к пульсирующей болью голове, принося больше облегчения, чем «Тайленол». Пробивая круговыми движениями путь, она надраила кварцевую столешницу. Алекс не пожалел денег, чтобы превратить их спальню в спа-салон, который она так хотела. Узкая, вытянутая в длину раковина. Ванна с округлыми океанскими изгибами, достаточно большая, чтобы в ней, как в утробе, можно было поместиться вдвоем. Спаренный душ, чтобы они могли встать рядом, закрыть глаза и перенестись далеко-далеко, в туманную Ирландию или благоухающий ароматами Таиланд. Унитаз. Биде. Высокое окно, до половины забранное матовым стеклом. Все белое и чистое. Единственным, чего она не смогла себе позволить, стало звездное небо: на третьем этаже Алекс оборудовал свой кабинет.

Это было сумасбродство и мотовство: порушить внутри весь дом, расширить проемы, установить повсюду большие окна и даже перенести лестничные пролеты. «Йенсен & Голдстейн» только-только разворачивала свою деятельность, но в Питтсбурге отбоя не было от заказчиков, владельцев как личных домов, так и офисных помещений, жаждавших сделать ремонт в скандинавском стиле по экологически чистым технологиям: самая современная отделка, передовые материалы из утилизированного сырья, креативный подход к использованию аксессуаров и всякие архитектурные мелочи. Они брали на работу молодых и ярких мечтателей, ведь именно такими были их заказчики. Спроектировав и реконструировав ряд весьма интересных зданий по всему городу, компания резко набрала популярность. Когда о них написала местная газета, они, помимо прочего, стали специализироваться и на перепланировке бывших церквей. Так что Алекс превратил самый обычный коттедж, купленный сразу после свадьбы, когда им было по двадцать шесть лет, в дом их мечты. На тот момент они уже решили, что у них родится ребенок, с которым Сюзетта будет сидеть дома, по меньшей мере первые несколько лет.

Она поняла, что высматривать на зеркале грязные пятна было ошибкой: в нем женщина видела только себя. Она стащила перчатки. Пригладила волосы. Смыла потеки туши для глаз. Потом сняла пояс, подняла подол платья и посмотрела на заживающие шрамы. Три рубца, оставшихся после лапароскопии, каждый длиной в дюйм, расположенных в стратегическом порядке вокруг четвертого, подвергшегося трансформации: борозды рваной плоти больше не было; кожа туго натянулась, ее стягивала аккуратная линия стежков. Так было лучше – недостаточно для того, чтобы щеголять в бикини, но, может, в своем новом виде старая травма постепенно сойдет на нет.

О проблемах со здоровьем она рассказала Алексу на втором свидании, когда они устроили в парке пикник. После первого, ограничившегося кино и пиццей, они целовались, и она испугалась, что если дойдет до близости, его отпугнет шрам. Поначалу он не мог ничего понять, ведь его детство прошло в нормальном доме, но при этом слушал очень внимательно. Это приносило ей утешение, и Сюзетта впервые поведала историю своей жизни. Как в тринадцать лет у нее начались боли в животе, за которыми последовала практически непрекращавшаяся диарея. И ее мир по спирали устремился вниз.

– Мать от меня отмахнулась. Сказала, что с ней тоже было такое в моем возрасте. Гормоны.

– И… тебе так и не стало лучше? – спросил Алекс.

– Я перестала считать это состояние болезненным, приняв его как норму.

Но то, что они с матерью называли нормой, другие именовали болезнью Крона.

Она отгородилась от мира и стала бояться пищи: если перестать есть, может, желудку станет лучше? Но лучше не стало. В ночь накануне семнадцатилетия она лежала без сна, а ее внутренности переворачивались, вопя о своих проблемах. Время от времени ей в голову приходила мысль набраться смелости и остаться лежать, приняв медленную, мучительную смерть. Но вместо этого она разбудила мать.

По приезде в больницу та проделала свой лучший трюк: превратилась в самую заботливую мать года, не забыв прилично одеться и нацепить на лицо выражение родительской тревоги. Когда медсестра в приемном покое спросила, как давно у Сюзетты начались боли в животе, она ответила, что ночью. Мама в своем благопристойном образе согласно кивнула и заявила, что ей это показалось необычным.

– Я тут же привезла ее сюда.

Сюзетта не пожелала, чтобы мать присутствовала во время осмотра.

Пытаясь установить диагноз, врачи проникли во все девственные отверстия в ее организме. Подозревая аппендицит, сделали срочную операцию и обнаружили, что кишки в нижней части брюшной полости переплелись в узел. Когда она пришла в себя в темной комнате с трубкой в носу, с болью в области живота, не поддававшейся описанию словами, матери рядом не было.

Несколько недель спустя, когда она, казалось, поправилась, у нее развилась фистула – узкий канал, тянувшийся от разреза на кишечнике до надреза на коже. Она снова оказалась на операционном столе с повязкой на глазах. Они вторглись в не зажившую до конца рану и без всякой анестезии поставили центральный катетер.

– Молодые в состоянии терпеть боль, – объяснил хирург какому-то невидимому ей собеседнику. Она не закричала (хотя и хотела). Но так и не забыла (хотя и старалась). А через несколько минут ей дали наркоз и опять вскрыли брюшную полость.

Идея сводилась к тому, чтобы не зашивать надрез и дать фистуле затянуться самой. Дерьмом и мочой из этой дыры несло добрых четыре года. Все это время ей казалось невозможным когда-либо вновь вернуться к обычной жизни или совершать банальные поступки, например, целоваться с мальчиком или ходить на работу. Сюзетта не раз подумывала о самоубийстве, но вместо этого разработала план карьеры и в конечном счете поступила в школу искусств. А там познакомилась с Алексом.

– Если бы я тебя не встретила… то мое дурацкое непредсказуемое существование могло бы продолжаться до бесконечности.

Тогда он со слезами на глазах ее поцеловал. А несколько месяцев спустя признался, что влюбился в нее как раз на том втором свидании, увидев, какая она ранимая, но в то же время вдохновившись ее поразительной решимостью и внутренней силой.

Кто-то задергал дверную ручку с обратной стороны.

Сюзетта заиграла желваками и закрыла глаза. Уходи. Уходи. Прошу тебя, уходи.

Тук-тук-тук.

– Минутку.

Она выпустила подол платья из рук, и оно соскользнуло обратно на колени. Потом ласково погладила правый бок, чтобы поспособствовать заживлению.

Тук-тук-тук.

– Маме нужна минутка.

Тук-тук-тук. Тук-тук-тук.

Она рывком распахнула дверь и оскалила зубы.

– Что ты долбишься, черт бы тебя побрал? Не могла подождать?

Дочь казалась такой маленькой. Прямо загляденье: хорошая девочка в красивом платьице. У нее слегка отвисла челюсть, может, от страха, может, от потрясения. В левой руке Ханна держала учебник, в правой с силой сжимала карандаш. Она пришла всего лишь задать вопрос, хотела, чтобы ей помогли. Хорошая мать это поняла бы или как минимум смогла бы держать эмоции под контролем.

В груди у нее будто что-то надорвалось: даже самые простые обязанности и то оказались не под силу.

– Я буду через минуту. Прости. Сейчас спущусь и помогу тебе.

Она закрыла дверь и тут же заперла ее, чтобы Ханна не увидела слез.

Потом пару минут походила по комнате, с шумом вдыхая и выдыхая воздух, словно бегун в конце дистанции. Взять себя в руки. Взять себя в руки. Взять себя в руки. Под надрезом на коже электрическим разрядом вспыхнула боль. Вот что творили с ней гнев, недовольство и стресс: переводили организм в форсированный режим, давали солдатам сигнал выходить и убивать, и все, во что они стреляли, считалось сопутствующими потерями. Жить, страдая аутоиммунным заболеванием[6 - Аутоиммунное заболевание – нарушение функций иммунной системы, при котором она воспринимает собственные ткани организма как чужеродные и повреждает их.]. Сюзетта не могла позволить себе длительные душевные страдания и беспокоилась об отрицательном влиянии, которое оказало на ее организм мрачное внутреннее осознание того факта, что быть матерью Ханны – сплошная мука.

Илеостомический мешок над ней насмехался: «Благодаря мне ты станешь отвратительнее, чем когда-либо. Тебе придется иметь дело со средоточием собственных кишок и заботиться о том, чтобы пакет не переполнялся». Как изменить сложившуюся ситуацию, чтобы она не стала ее неизбежным будущим? Решение сидеть дома с ребенком не предполагало особых стрессов, и приняла она его отнюдь не из-за недостатка энергии или таланта.

Когда они только познакомились, еще до того, как у Алекса появилась собственная компания, она занималась дизайном интерьеров и была не меньшим экспертом в своем деле, чем он. Они на пару работали над одним проектом – два новичка, обожающих экологически чистые материалы, – потом подружились, стали партнерами и больше уже не разлучались. Но ненормированный график и вечные дедлайны сделали свое дело. Это были первые шаги в карьере Сюзетты. Когда ее жалкие внутренности стали вести себя непредсказуемо, амбиции начали улетучиваться как дым. Дерьмо, дерьмо и еще раз дерьмо.

Когда они обручились и Сюзетта переехала к нему, потребность в работе отпала. Сначала она надеялась понемногу работать из дома, но в основном лишь готовила, убирала и ждала возвращения Алекса. Болезнь Крона отпустила. Она вновь взялась рисовать – не просто элегантные и функциональные интерьеры, а более абстрактные порождения ее воображения. Основав компанию «Йенсен & Голдстейн», Алекс устроил ее консультантом на неполный рабочий день и позволил выбирать проекты, казавшиеся ей привлекательными. Она связала это с его стремлением вернуть ей здоровье.

А потом Сюзетта забеременела.

Она ожидала какого-то духовного откровения, но вместо этого беременность стала демаркационной линией, за которой ширилось ощущение потери. Потери себя. Потери Алекса как единственного и милого сердцу человека. Потери вновь обретенного здоровья.

Организм все больше истощался, с каждым днем она узнавала его все меньше и меньше. Ближе к середине срока, когда ей полагалось набирать вес и расти вширь, все его системы взбунтовались. Ее до такой степени измучили судороги и понос, что она прилагала героические усилия, чтобы во время беременности достаточно набрать в весе. Доктор Стефански посоветовал ей ежедневно принимать двойную дозу «Имодиума», но с этим средством, которое, по его словам, должно было здорово помочь, пришлось повременить: таблетки были слишком опасны, чтобы подвергать риску растущий плод. Истощение настолько ее изнурило, что они даже стали подумывать нанять постоянную сиделку на случай, если после родов ее здоровье не улучшится. Она надеялась, что ребенок появится на свет преждевременно – ничего страшного, если чуть раньше положенного срока. Она остро нуждалась в облегчении и медикаментозном лечении без оглядки на степень его токсичности.

В худшие моменты Сюзетта вспоминала их самые первые удивительные дни, когда они с Алексом лучились ослепительным светом. Их любовь породила живое, дышащее существо, которое когда-нибудь будет удивленно таращить на все глазки, пытаясь охватить взором вселенную. Но, увеличившись в размерах и заявив о себе в ее чреве, оно стало восприниматься не столько ребенком, сколько некоей бесформенной массой. А потом они совершили ошибку, еще раз посмотрев фильм «Чужой», и она разразилась слезами, подумав, что ее дитя тоже вот так явится на свет – чудовищем, которое разорвет ее на куски.

– Это всего лишь болезнь Крона, с малышкой все в порядке, – ворковал Алекс, вытирая ей слезы и поглаживая выпирающий живот. – Сразу после ее рождения мы подберем тебе лечение.

Как ни пытался муж ее утешить, она не могла избавиться от своих видений. Этому мешала сама беременность, в конечном итоге ставшая не духовным пробуждением, а тяжелым физическим испытанием для всего организма.

Она с ужасом воспринимала все необходимые предписания врачей, предлагавших ей жертвовать своими потребностями и забывать о страхе перед мукой ради ребенка. Будто ее тело больше ей не принадлежало, и запросы малыша полностью вытеснили ее собственные. В минуты, когда ее одолевали обида и эгоизм, она думала: вот как все начиналось, вот как ее мать возненавидела свою родительскую ответственность. Но потом мысли устремлялись совсем в другом направлении, и она представляла, как обнимает это бесценное хрупкое создание, понимая, что обязательно сделает ради него все, что потребуется. Стерпит оскорбительные инвазивные обследования – ведь ее ребенок в ней нуждался – и докажет, что обладает сильными инстинктами, хотя и не смогла ничему научиться у собственной матери. Разве что узнала, как не надо поступать. Сюзетта поклялась – настолько пылко и неистово, что в глазах Алекса даже промелькнул страх, – что как мать никогда не отнесется наплевательски к страданиям своего ребенка. Никогда не будет им пренебрегать. И никогда не проявит к нему безразличия.

– Ну конечно, ты ведь совсем другая, – сказал он, – ты любящая, талантливая, удивительная женщина и станешь прекрасной матерью, преисполненной жизни и любви.

Но ее жизнь питалась его любовью. А хватит ли у нее самой любви, чтобы делиться ею с кем-то еще? Ребенок не должен вызывать ассоциации, связанные

с обострением ее болезни Крона и несоблюдением режима в соответствии с требованиями современной медицины. Она не раз говорила Алексу о своем желании арендовать ферму, чтобы там родить ребенка, сидя на корточках и собирая урожай капусты.

В конце концов, не без помощи эпидуральной анестезии, она родила. Ей хватило одного взгляда на выражение лица Алекса, когда он взял на руки их новорожденную дочь, чтобы понять: это того стоило. Момент прихода в мир новой жизни окончательно все закрепил: Ханна стала совершенством, а Сюзетта – его героиней. С тех пор она вот уже который год делает все от нее зависящее, чтобы не развеять эту иллюзию семейного покоя. Так хотя бы один из них чувствует себя счастливым.

Когда ей стали колоть лекарства, пищеварение и здоровье в целом нормализовались. Но с ней навсегда осталось чувство вины за то, что она так никогда и не кормила Ханну грудью.

Какой непреднамеренный вред она могла нанести ребенку? Может, развитие Ханны пошло не по тому пути как раз из-за недостатка материнского молока на самом раннем этапе? Сюзетта старалась наверстать упущенное, кормя дочь из бутылочки и фокусируя на ней свою любовь и заботу. Малышка была для нее сродни беспрестанно меняющемуся произведению искусства – с выразительными глазками и озабоченно опускавшимися и поднимавшимися бровками.

Когда Ханна научилась ходить и стала выказывать первые признаки характера, они с Алексом, ожидая дальнейшего развития, подготовились к истерикам и неповиновению, им не терпелось услышать, когда она скажет «Нет!» и «Мое!». Но если истерики пришли вовремя, то с преодолением других этапов явно возникли сложности. Когда они озаботились речевым расстройством у дочери, Сюзетта столкнулась с проблемами, о которых не имела ни малейшего понятия. Она занималась с дочерью каждый день, отчетливо проговаривая слова, стараясь превратить учебу в увлекательную игру. Но чаще всего Ханна устремляла на нее неподвижный скептический взгляд, выводивший ее из себя, а когда в комнату входил Алекс, без конца улыбалась. Сюзетта долго не оставляла попыток, но годы постоянных неудач стали для нее как удар в живот. В тот самый живот, который был неспособен выдержать еще одну травму.

Она опять натянула резиновые перчатки. Порой ей хотелось иметь в гардеробе резиновый спортивный костюм. Он стал бы защитой от микробов – лекарства ослабили ее иммунную систему, – но что еще важнее, перчатки наполняли ее жизнь содержанием. Они символизировали тяжкий труд, эффективность, чистоту и в конечном счете красоту – одним словом, то, к чему она так стремилась. Здоровье в любой момент могло пошатнуться (хотя она и старалась свести риски к минимуму), но содержать дом в идеальном порядке ей было под силу. Так Сюзетта подчеркивала свою значимость.

Она поставила ведро и опустилась на четвереньки. А потом стала надраивать пол в тех местах, где перед этим прошла, стирая собственные невидимые отпечатки.

Обычно подобные методичные движения успокаивали ее, погружая в блаженное, расслабленное состояние, давая мозгу небольшую передышку. Но сейчас она переживала, не зная, что сказать Алексу. Хорошая новость: с физиологией у Ханны все в порядке. Плохая: проблема может таиться у нее в голове. Это его расстроит? Он никогда не видел, чтобы дочь вела себя странно, например, набрасывалась ни с того ни с сего на ребенка намного младше нее. А если бы воспитательницы в детском саду поведали Алексу о ее отвратительных выходках, наверняка не поверил бы. Он считал, что те все преувеличивали просто потому, что развитие Ханны не подчинялось традиционным этапам. Между собой они стали называть ее «неполноценной», и если Алекс настаивал на том, что мир становится терпимее к подобным отклонениям и не подвергает их остракизму, то элитные школы, в которые они записывали дочь, считали иначе.

– Она хоть и не говорит, но на удивление сообразительна, а интеллект у нее гораздо выше среднего, – постоянно хвастался он.

Сюзетта знала: он все еще надеялся, что девочка, пусть даже с опозданием, полностью социализируется. Но разве для этого прошло недостаточно времени? Возможно, им поможет новый психолог, специалист по детскому развитию. Ее тревожило, что Алекс знает не все: она перестала ежедневно сообщать ему об изменениях несколько лет назад, когда увидела, что на его лице все явственнее проступает раздражение. Из-за этого Сюзетта чувствовала себя совершенно никчемной, способной лишь жаловаться. Когда она не рассказывала о поведении Ханны, им удавалось куда лучше и спокойнее проводить вместе время. Однако стоит ей передать мнение врача, что нежелание говорить требует иного

лечения, чем неспособность, и Алексу придется признать, что Ханна упрямится нарочно. Дочь играла с каждым из них по-своему. Водила за нос. Манипулировала, преследуя свои садистские цели.

Сюзетта швырнула губку в ведро и приказала себе успокоиться. Обвинять семилетнего ребенка в садизме – это уже чересчур. Однако сколько ни пыталась, а разоблачить игру дочери она так и не смогла. Как легко и непринужденно Сюзетта любила свою девочку, когда та была младенцем или только начала ходить! Ей говорили, что это самый трудный этап, что потом ребенок научится говорить и выражать свои потребности, но для нее это оказалось проще всего. В раннем возрасте у Ханны были лишь простые, продиктованные инстинктами запросы. Но с годами дочь становилась все более неуправляемой. Как-то раз они с Алексом стали кружиться, взявшись за руки, выписывая идеальные круги. Но когда в игру вступила дочь, равновесие нарушилось.

Перед глазами промелькнул образ: блуждающий астероид, ворвавшийся на их орбиту. Если бы их было только двое, они смогли бы опять восстановить баланс.

Тук-тук-тук.

Она отогнала подальше эту предательскую мысль.

Ханна все еще здесь? Не спустилась вниз? Сюзетта села на пятки и ничего не ответила.

Тук-тук-тук. Тук-тук-тук.

– Я же сказала, сейчас приду.

Хлоп-хлоп. Ханна с силой ударила ладонью в закрытую дверь. Потом пнула ее ногой и в знак протеста пронзительно завопила.

– Ханна! Иди вниз! Переходи к другому заданию, которое сможешь решить самостоятельно. Я буду через минуту!

Сюзетта подождала и прислушалась, надеясь услышать отчаянное «пуф», признак поражения, и удаляющиеся звуки маленьких шагов. Но не тут-то было. Ручка задергалась. Сначала робко, потом все настойчивее. Ханна еще раз пнула дверь ногой.

Они никогда не били дочь. Алекс даже ни разу не повышал на нее голоса. А если и бранился в ее присутствии, то только по-шведски. Но ребенок с той стороны наседал. Сюзетта открыла замок и распахнула дверь.

– Ханна, черт бы тебя побрал! Почему ты никогда меня не слушаешься?

Девочка стояла перед ней, опустив руки, и смотрела на мать. Потом закатила глаза так сильно, что остались видны только белки. В глазницах – лишь мертвая пустота.

– Потому что я не Ханна, – прошептала девочка.

ХАННА

– ЧТО?

Это было единственное, что сказала мама. Тряхнула головой и с удивлением уставилась на нее. Потом схватилась за живот и захлопнула дверь. Ханна прижалась к ней ухом. Щелкнул замок. Мама застонала, но не заплакала и не закричала. Стало тихо, даже слишком, и Ханна поскребла ногтями по деревянному полотну. Зашумела вода. Девочка легла на живот, пытаясь заглянуть в узкую щелку под створкой, но смогла увидеть лишь мамины ноги перед раковиной.

Не совсем та реакция, на которую она надеялась: ей хотелось произвести на маму большее впечатление. Или напугать. А на случай, если маме вздумается проявить любознательность, у Ханны был наготове список коротких ответов, которые она запомнила, когда искала сведения в Интернете. Ее немного разочаровало, что мама не захотела ничего узнать о ее необыкновенной подруге. Ну и плевать на нее, потом попытаемся еще раз.

Она незаметно выскользнула в холл и бросила наверху лестницы учебник. Делать в своей комнате ей особо было нечего, поэтому она тихонько прошла по коридору и поднялась в мансарду, где папа оборудовал кабинет. Это, без сомнения, была лучшая комната в доме. Ломаный потолок делал ее уютной, стены словно приглашали девочку в свои объятия. Папин кабинет наглядно демонстрировал, что между ним и мамой не было ничего общего. Тут царил беспорядок, хотя рабочий стол был убран. Мягкое податливое кресло, пушистый ковер, многочисленные полки с книгами и всякими диковинками. Комнату заливал струившийся через окно в потолке свет. Ханна взяла одну из его моделей – ее любимый корабль викингов и подошла с ним к окну, выходившему на улицу. Стекло доходило до самого пола, поэтому она села и стала наблюдать за тем, как крохотный автомобильчик с прозрачной крышей пытается втиснуться между двумя серебристыми цистернами. Из него вышла леди, вытащила из багажника коврик для занятий йогой и торопливо зашагала по улице.

Папа всегда повторял, что Шейдисайд нравится ему, потому что по ней можно везде гулять, и это напоминало ему город, в котором он вырос. О Швеции он всегда говорил с широкой улыбкой на лице. Ей не раз хотелось спросить, откуда он родом. Порой папа ей кое-что рассказывал, например, как ему пришлось уехать вместе с родителями, потому что фармор получила должность в университете Карнеги – Меллона. Фармор гордилась, что сын пошел по ее стопам, хотя это совершенно сбивало Ханну с толку, поскольку позже фармор и фарфар переехали в другой конец страны, в аризонский город Таксон, а папа не предпринял ни единой попытки поехать за ними.

Она пустила корабль викингов по невидимому морю. А когда он пристал к берегу, спрыгнула на сушу и ринулась вперед, сжимая в руках боевой топор, готовая покрошить жителей деревни на мелкие куски и отнять у них золото.

Папа рассказывал, что большинство викингов занимались земледелием и редко принимали участие в набегах, но представлять себя простой крестьянкой ей было неинтересно. Набрав золота, сколько способна унести, она опять отчалила от берега и выключила свет. Потом вернулась в спальню родителей, но дверь в ванную по-прежнему была закрыта. Ханна подняла учебник с карандашом и спустилась на первый этаж.

Когда папа вернулся с работы домой, девочка все еще сидела перед телевизором и практиковалась в написании иероглифов. Она подбежала к нему поздороваться. Из-за своего роста папа всегда опускался на одно колено, чтобы

ее обнять.

– Как поживает моя маленькая непоседа?

Она прыгала, игриво теребя пальцами его бороду цвета мускусной дыни. Папино кофейное дыхание приятно щекотало ноздри. Он был самым красивым мужчиной на всем белом свете, одевался в чистые, накрахмаленные рубашки и цветные галстуки, отдавая предпочтение тем, которые для него выбирала она. Когда Ханна вырастет, она выйдет за него замуж, и тогда мама больше не будет ей конкуренткой.

– Все хорошо?

Она кивнула с таким видом, будто у нее была непомерных размеров голова, и блеснула широкой улыбкой неровных зубов. Они выпадали, ее это расстраивало, но мама сказала, что это естественно. Когда она теряла очередной зуб, они всегда устраивали праздник, но Ханна все равно испытывала ужас. Она любила свои молочные зубки. И не хотела, чтобы ее рот щерился в оскале взрослых клыков. Хотя бы до тех пор, пока до этого не дорастет лицо.

Папа положил на кухонную стойку ланч-бокс и стал вытаскивать использованные лотки, в которых еще совсем недавно хранилась его еда.

– А где мама? У тебя сегодня было большое-большое обследование?

Ханна утвердительно кивнула.

– И как все прошло?

Она сложила губки в поцелуе и пожала плечами.

Мама тихо спустилась по лестнице. Голос отца всегда заставлял ее волноваться.

– Мои девочки в красивых платьях, – сказал он.

Мама встала на цыпочки и поцеловала его.

– С пояском и туфлями смотрелось лучше.

Она взглянула на Ханну покрасневшими глазами.

– Ты что, плакала? – спросил папа.

– Просто устала. И слегка перенервничала.

Он обеспокоенно взял маму за руки. Ханна навалилась грудью на кухонную стойку и не сводила с них глаз.

– Все в порядке? Я имею в виду с нашей… – Он коротко мотнул головой в сторону дочери.

– Да, – сверкнула мама фальшивой улыбкой, – давай поговорим позже, пора готовить ужин.

– Тебе помочь? – Не сводя с нее глаз, он ласково сжал ее ладони.

– Поможешь Ханне с уроками?

– Конечно, ?lskling[7 - Дорогая (швед.).]. С тобой действительно все в порядке?

Она кивнула, как гремящий костями скелет, готовый вот-вот развалиться. Папа не хотел оставлять ее одну, но в итоге все же протянул Ханне руки.

– Ну хорошо, непоседа, теперь ты и я. Над чем сегодня работаешь?

Ханна схватила учебник, пару смертельно острых карандашей и показала наверх – высоко, под самую крышу.

– Хочешь заниматься у меня в кабинете?

Она возбужденно схватила его за руку и мелким галопом ринулась вперед.

– Звучит здорово.

Поднимаясь по ступеням, папа принялся стаскивать галстук. На лестничной площадке Ханна повернулась и посмотрела на маму. Та стояла, уперев руку в бок и изучая содержимое холодильника. Когда она заметила обращенный на нее взгляд, Ханна улыбнулась и помахала ей рукой. Мама поджала губы.

СЮЗЕТТА

Обычно она готовила Алексу что-то особенное, но сегодня была не в настроении удивлять. Ей просто хотелось поговорить с ним наедине и рассказать о том, что выдала Ханна.

Что это значило? Может, Сюзетта ее не расслышала? Может, это был бессмысленный набор звуков, очередная песенка дочери? Она могла бы поклясться, что уловила акцент. Абсурд какой-то. В честь первых слов Ханны полагалось бы устроить праздник, но Сюзетту терзали сомнения. Если она разобрала все правильно… Если перед ней действительно предстала не Ханна… Может, одна из них сошла с ума? Или сразу обе? А эти пустые глаза? При воспоминании об этом до сих пор колотило от страха.

За ужином, на который Сюзетта подала свою фирменную, приправленную чесноком и оливковым маслом пасту с остатками вчерашних овощей и свежим салатом, у нее совсем не было аппетита, потому что она мучилась вопросом, стоит ли ему вообще что-то говорить. Воображение так и рисовало картины, в которых он не обращает внимания на странные и зловещие слова Ханны и тут же бросается праздновать ее речевой прогресс. Или же дочь, учитывая ее нрав, озадаченно наморщит личико, сделает вид, что заявление Сюзетты – просто вымысел, и будет вести себя как ни в чем не бывало. Чью сторону в этом случае примет Алекс? Даже сама Сюзетта сомневалась, правильно ли истолковала увиденное и услышанное. Неужели воображение сыграло с ней злую шутку?

Поэтому за ужином она решила просто послушать рассказы Алекса, радуясь, что проходит через все это не одна. Муж поведал о последнем успехе компании «Йенсен & Голдстейн» – заказе на новенький объект из экологически чистых материалов на крохотном участке дорогущей земли в самом престижном районе города.

– Они намерены предоставить нам полную свободу в выборе материалов. Для нас это уникальная возможность заявить о себе. Я всегда хотел попробовать свои силы на необычном и ограниченном клочке пространства.

– Дизайн нашего дома был репетицией, – сказала она, стараясь разделить его энтузиазм.

– Я, конечно же, показал им несколько эскизов. Тебе надо будет помочь нам с интерьерами, им нравится твой стиль. Ничто так не дополняет мои безупречные линии, как твоя эстетика.

Внимательный, чудесный муж, всегда готовый оказать поддержку и подключить ее к делу.

– Sk?l[8 - Ура (швед.).]! – Она взяла бокал вина и чокнулась. – Мои поздравления.

Сюзетта надеялась, что ее радость за него выглядит естественно, потому что она и правда была рада. Он все говорил и говорил, пока она раскидывала вилкой по краям тарелки остывающую пасту. Не сообщить ему было нельзя: он так ждал этого момента. Если бы только Ханна что-нибудь сказала – что-то еще.

– Всего планируется четыре этажа, и мы сейчас думаем над тем, как придать зданию облик корабля: круглые окна…

А каким волнительным и трогательным мог бы стать момент, если бы девочка подошла к двери и сказала: «Мама». Она не слышала, чтобы хоть какое-то подобие ее имени срывалось с губ ребенка с тех пор, как та совсем еще малышкой лепетала «мамамама». Как Алекс гордился бы ими обеими, будь у нее возможность об этом объявить. Он бы бросился ворковать с ними и целовать, считая, что как хорошая мать именно она обеспечила эту победу.

Но кем надо быть на самом деле, чтобы твоя дочь заявилась как демон и сообщила, что она тебе не дочь? И если Ханна считает себя кем-то другим, нет ли у нее каких-то более серьезных нарушений психики, чем они думают?

– …обеспечивая при этом полную доступность для людей с ограниченными возможностями. Мэтт предложил длинные наклонные дорожки, чтобы

соединить…

– Ханна сегодня заговорила.

Алекс с Ханной синхронно перестали жевать, а потом так же одновременно повернулись к ней, будто их пронзил электрический разряд.

– Что?

– Она заговорила. Произнесла вслух слова.

На его лице засияла широкая улыбка.

– ?Iskling… – Потом он повернулся к Ханне. – Lilla gumman, это же так?..

– Сказала, что она не Ханна.

Улыбка померкла.

– Что?

Сюзетта пожала плечами.

– Она так и сказала: «Я не Ханна». А потом так закатила глаза, что стала похожа на… Даже не знаю, на кого. На кого-то… жуткого.

Лицо Алекса приняло знакомое выражение, возникавшее каждый раз, когда он был озадачен или ему приходилось слишком упорно думать. Чтобы скрыть замешательство, он снова нацепил на губы улыбку.

– Ты так сказала, lilla gumman? Ты говорила с мамой?

Сюзетта ожидала, что Ханна покачает головой. Так оно и случилось. Но она не ожидала, что дочь в ужасе распахнет глаза и скрючится у папы за спиной. Ханна несколько раз ударила себя ладошкой по маленькой грудке, умоляя Алекса ее понять.

– Ты Ханна?

Она кивнула и захныкала, на глаза у девочки навернулись слезы. Потом она сильнее хлопнула себя ладошкой в грудь.

– Ну конечно же, Ханна; никто не утверждает, что нет. Ты не говорила с мамой?

Она покачала головой и протянула ручки, чтобы он ее обнял.

Сюзетта сердито вздохнула и подперла локтем утомленную голову. И какого хрена было беспокоиться?

Алекс прижал Ханну к себе и поцеловал в макушку.

– Давай ты ненадолго поднимешься к себе в комнату, чтобы мы с мамой могли поговорить.

Мать уловила момент, когда на лице дочери появилось победоносное выражение. Девочка тут же изменила тактику, показала на гостиную и на телевизор, но Сюзетта не намеревалась ей потакать, чтобы смягчить несуществующую обиду.

– Мне кажется, сегодня ты уже достаточно смотрела телевизор.

Ханна топнула ножкой по полу и сердито покачала головой.

– Да, достаточно. Я все слышала, пока была наверху, в ванной.

Алекс быстро повернулся к ней с вопросительным выражением лица.

– Мне стало нехорошо, – объяснила она ему.

Не взглянув ни на мужа, ни на дочь, Сюзетта стала убирать со стола.

– Можешь взять игрушки и поиграть в своей комнате. Или почитать книгу.

Она прекрасно знала, что происходило у нее за спиной: Ханна наверняка сделала печальное лицо и пытается уломать Алекса выполнить ее желание. В половине случаев он так и поступал, но, будучи истинным дипломатом, старался чередовать ситуации, в которых поддерживал либо жену, либо дочь. Сегодня вечером принял сторону Сюзетты.

– Слушайся маму. Я потом поднимусь к тебе и почитаю какую-нибудь книжку.

Ханна понурила голову и побрела из комнаты. Сюзетта наблюдала, как изящные ножки дочери медленно топали по ступеням. Она ожидала, что девочка хмуро на нее глянет с лестничной площадки, но та лишь спокойно ушла к себе.

Алекс подошел к стоявшей у мойки жене и погладил ее по спине.

– Так что у нас происходит?

– Она так и сказала. Постучалась в дверь, когда я была в ванной, и произнесла: «Я не Ханна». Я знала, что ты мне не поверишь.

– Дело не в том, что я тебе не верю. Мне очень хотелось бы, чтобы Ханна заговорила. Но все это выглядит как-то странно… Я даже представить не могу, чтобы она такое сказала, и не догадываюсь, что бы это могло значить…

– Понятия не имею…

– К тому же мне показалось, она страшно испугалась…

Сюзетта прислонилась спиной к кухонной стойке и помассировала две чувствительные точки под бровями – одну большим, другую указательным пальцами. После заявления Ханны у нее еще сильнее разболелась голова.

– Тебе сегодня стало плохо?

– Съездить туда, в этот медицинский центр…

Он поцеловал ее в лоб и стал массировать голову.

– Ты не думала о том, чтобы найти кого-нибудь и поговорить?

– Я не сумасшедшая, она действительно…

– На предмет ПТСР[9 - Посттравматическое стрессовое расстройство – тяжелое психическое состояние, возникающее в результате единичной либо повторяющихся психотравмирующих ситуаций, таких как участие в боевых действиях, тяжелая физическая травма, сексуальное насилие или угроза смерти.]. Мне ненавистна мысль о том, что ты дошла до такого состояния. Может, кто-нибудь сможет тебе помочь. Ты принимала сегодня обезболивающие?

Она тут же от него отшатнулась.

– Я не пила никаких лекарств! И не была под кайфом. Я так и знала, не надо было этого говорить.

– Если тебе по-прежнему больно, то в том, чтобы их принимать, нет ничего плохого…

– Алекс, ты вообще меня слушаешь?

На мгновение они застыли на месте, внимательно глядя друг на друга, как два охотника. Или как звери, которых вот-вот собираются застрелить.

– Да, я тебя слушал. И пытался найти логическое объяс…

– Нет никаких логических объяснений! Просто забудь. Забудь и все.

Она небрежно распихала остатки ужина по контейнерам и сунула их в холодильник.

Алекс опасливо разглядывал жену.

– Она что-то прошептала? Может, это была лишь очередная ее песенка…

– Да, я уверена, так оно и было. Конечно, она же не может вести себя со мной совсем не так, как с тобой. Ханна ударила в магазине ребенка, который только-только начал ходить.

– Когда?

– Сегодня. Мы приехали туда купить что-нибудь в награду за хорошее поведение.

– Я не виноват, что чего-то не вижу, не понимаю и не всегда бываю дома…

– В том-то и проблема. – Сюзетта вновь подошла к холодильнику и вытащила полупустую бутылку белого вина. – Она достаточно умна и ведет себя так, чтобы ты никогда мне не поверил.

Сюзетта схватила со стола свой бокал и пошла к дивану, на ходу наливая в него вино. Потом поставила бутылку на журнальный столик, вытянула ноги, ткнула на пульте кнопку и включила вечерние новости. Мгновение спустя к ней присоединился и Алекс, наполнив свой бокал и устроившись рядом. Они молча посмотрели прогноз погоды.

Наконец он мягко взял у нее пульт и убавил громкость. Потом осторожно придвинулся ближе и положил голову ей на плечо.

– Прости.

Может, сейчас, когда Алекс раскаялся, пришло ее время?

– Ей скучно. Ханна слишком умна, чтобы целыми днями сидеть со мной… Я тоже устала.

– Прости. Я не должен был сгружать на тебя ее проблемы, когда прошло так мало времени после твоей…

– Да нет, я рада. Рада, что мы съездили. Новый врач оказался очень любезен.

Мир был восстановлен, они склонились друг к другу и позабыли о новостях.

– Он что-нибудь обнаружил?

– С физиологией у нее все в порядке – этот вопрос можно раз и навсегда закрыть.

– Это ведь здорово, правда?

– Думаю, да. Он предложил показать Ханну психологу, специалисту по детскому развитию, и тут же добавил, что совсем не имеет в виду психиатра и не считает, что ей нужно медикаментозное лечение…

– Хорошо…

– Возможно, с ней происходит что-то другое. Что-то беспокоит и не дает двигаться вперед.

Алекс на мгновение задумался над ее словами.

– В этом есть смысл. Мы так хорошо ее понимаем. Однако мне ненавистна мысль о том, что у нее нет никаких перспектив и она никогда не сможет общаться с людьми. Не знаю, почему Ханна… Но, судя по звукам, которые она издает… Она так выразительна и, думаю, может говорить.

– В самом деле? – Сюзетта поджала губы, чтобы не обвинить его в притворстве.

– Может, поначалу она с чем-нибудь боролась, а теперь этого стесняется. Порой я задаюсь вопросом, не разговаривает ли она сама с собой, не шепелявит ли, не имеет ли других дефектов речи. Может, Ханна не знает, как их исправить, а говорить не так, как другие, не хочет. И это стало для нее навязчивой идеей… Вот что тревожит меня больше всего. А мы, не зная, в чем ее проблема, не в состоянии справиться с последствиями.

Сюзетта со скрипом провела пальцем по краю бокала. Обычно Алекс иначе объяснял тот факт, что Ханна до сих пор не начала говорить, теша себя надеждой на то, что она не дерзит, а лишь смущается.

– Ладно… Надеюсь, врач сможет ее успокоить, найдя способ, который нам не под силу. Единственное, мне хотелось бы…

Алекс положил ладонь ей на щеку, на его серьезном лице отразилось сострадание.

– Знаю, ты желаешь ей только добра. Не думай, что тебя постигла неудача.

Она уже не могла с уверенностью сказать, какая неудача тревожит ее больше всего. Что Ханна не заговорит, что Алекс полностью встанет на сторону дочери или что она потеряет веру в собственные инстинкты. Они, каждый по-своему, слишком долго оправдывали ненормальное поведение Ханны. Может, кому-то из них надо было раньше предложить обратиться к психологу? Возможно, они не столько вникали в суть проблемы, сколько отгораживались от нее?

– Попробовать стоит, доктор Ямамото, говорят, очень опытная, – сказала Сюзетта более настойчивым, чем хотела, тоном, словно у них все еще оставалась возможность устранить ущерб, который Ханне могла нанести их медлительность.

– Я целиком и полностью поддерживаю эту идею.

Когда Алекс потянулся к ней, выражение ее лица смягчилось.

– Мне совсем не хочется, чтобы ты чувствовала себя одинокой, особенно… Тебе нужно поправить здоровье и прийти в норму. Порой я не знаю, как помочь, но всегда к этому стремлюсь…

Вниз по ступенькам запрыгал небольшой и твердый резиновый мячик. Через секунду – второй, за ним – еще один. У подножия лестницы они разлетелись в разные стороны, вслед за ними скатилась Ханна и стала носиться кругами, пытаясь их догнать.

– Ханна, вернись в свою комнату, пожалуйста.

Девочка не обратила на мать никакого внимания. Она схватила один из мячей, опять бросила его на пол, а когда тот отскочил, вприпрыжку помчалась за ним

такими же резкими движениями, раскачиваясь на ходу и балансируя руками, чтобы сохранять равновесие.

– Ханна!

Сюзетта встала, обошла диван, повернулась к Алексу спиной и сложила руки на груди. Ей не хотелось, чтобы он видел, как тяжело ей сохранять самообладание. Она желала наброситься на дочь, закричать: «Ну что ты за дрянь такая, черт бы тебя побрал!», но не могла.

– Ты не могла бы поиграть наверху, пока мы не закончим?

Мимо Сюзетты проскакал мяч. Ханна, даже не взглянув на нее, бросилась за ним.

– Lilla gumman. Мы с мамой разговариваем. Иди наверх, я скоро буду.

Тяжело топая уставшими ногами, Ханна наконец собрала своих попрыгунчиков и медленно побрела наверх.

Дочь всякий раз старалась отомстить матери, когда та не шла у нее на поводу: щипала за самые чувствительные места, била в какое-нибудь особенно болезненную точку, кусала… Лицо Сюзетты покраснело от гнева, она чувствовала себя разбитой и не могла этого скрывать.

– Девочка всегда тебя слушается, – сказала она и опять села, расположившись рядом с Алексом.

– Видит меня не так часто.

– Тебя она любит больше.

– Неправда.

– Правда.

– Со мной, ?lskling, она даже не разговаривает.

Вот это да. Неужели Ханна, заговорив с ней, принесла ей победу, пусть даже жестокую и неприятную?

– Может, пришло время позвонить в «Саннибридж»? – спросил он.

Сюзетта затаила дыхание. Она не могла выплеснуть разом свои эмоции и выказать облегчение, поэтому потянулась к бокалу и сделала глоток.

К заведению под названием «Саннибридж» Алекс всегда относился с большой неохотой. Если отбросить дурацкое название[10 - Саннибридж (англ. Sunnybridge) переводится как «солнечный мост».], оно представляло собой альтернативную школу с углубленным изучением искусств, но недостаточно академическим, на его взгляд, уклоном. Когда Ханна была совсем еще крохой, они не раз спорили, куда ее определить: в «Грин Хилл экедеми» или во «Фрик скул», потому что обе производили впечатление и считались школами с высоким уровнем обучения.

Из «Грин Хилл» Ханну попросили пять недель спустя. Сидя перед небольшим советом воспитательниц и руководителей учебного заведения, Сюзетта с Алексом услышали, что девочка эмоционально не готова посещать детский сад. Ее «неспособность к взаимодействию» доставляла «значительно больше проблем, чем предполагалось ранее». Они, особенно Алекс, обиделись, когда в разговоре зазвучали более резкие тона и воспитательницы отбросили вежливость в сторону. Сам он никогда не видел, чтобы Ханна «агрессивно рычала», и не мог поверить обвинениям в том, что она «прятала игрушки только для того, чтобы ими не могли воспользоваться другие дети» и «злобно все ломала». В саду боялись, что их дочь в конечном итоге ударит другого ребенка: «Мы подозреваем, что она подожгла в столовой мусорную корзину», после чего Алекс потребовал вернуть плату за неоконченное обучение и выбежал из зала.

Сюзетта кротко извинилась перед персоналом и поспешила за мужем.

До провала с исключением из «Грин Хилл экедеми» она считала, что среди всех ее знакомых Алекса было труднее всего вывести из себя. И, даже разозлившись, он быстро остывал. Но в следующие несколько дней в нем клокотал гнев.

В итоге Сюзетта записала Ханну во «Фрик скул», и настроение Алекса вернулось в норму. Надеясь, что это поможет, она заранее предупредила новую

воспитательницу о проблемах с поведением, с которыми Ханна столкнулась в предыдущем детском саду.

Сюзетта осознавала, что эта молодая женщина с татуировкой в виде изысканной улитки на запястье и крохотной нострилой в носу понятия не имела, какие трудности ждали ее впереди. Но при этом надеялась и молилась, что Ханна откликнется на ее юный безграничный задор, придет в восторг от улитки (либо от бунтарского пирсинга) и постарается ей понравиться.

Сюзетта заранее решила приложить все усилия и оградить Алекса от правды, если дело не заладится. До исключения дочери из первого детского сада он никогда не отгораживался от всех и не впадал в депрессию, а в таком состоянии она с ним долго справляться не могла.

Когда Сюзетта забирала дочь в первый день, воспитательница заметила: «Она, может, и тихая, но совсем не робкая, настоящий маленький вулкан». Конец уже можно было предвидеть. На пятый день молодая женщина, в беспокойстве заламывая длинные пальцы, сообщила, что Ханна им не подходит. Она без конца ломала на мелкие кусочки все карандаши. И, что еще хуже, любила вылавливать из аквариума золотых рыбок. Ее несколько раз на этом ловили, до тех пор пока наконец не обнаружили всех их дохлыми среди коллекции пластмассовых игрушек сходного размера. На восьмой день Сюзетту вызвали в детский сад, после того как Ханна сделала вид, что потеряла сознание от голода. Первым делом ее спросили, не страдает ли Ханна СГДВ[11 - Синдром гиперактивности и дефицита внимания – расстройство поведения, проявляющееся в неспособности сосредоточить внимание, повышенной активности и неуправляемой импульсивности.]; потом усомнились в способности Сюзетты воспитывать детей.

Следующего вызова она ждать не стала, забрала Ханну из сада и рассказала Алексу правду лишь отчасти: дочка не умеет говорить, поэтому среди незнакомых людей впадает во фрустрацию. А потом предложила заниматься с ней дома. Девочка уже умела читать и производить простые арифметические действия. Алекс воспринял эту идею с энтузиазмом и обнял ее.

То, что сейчас ему в голову пришла мысль о «Саннибридже», означало, что он начал осознавать весь масштаб проблемы. Идея записать дочь на прием к психологу не показалась ему оскорбительной, хотя она этого боялась. Может, получив заказ на строительство в деловом центре города, он преследовал более эгоистичные цели и хотел, чтобы у Сюзетты высвободилось время на него. Или

проникся ее страхом перед гниющими кишками и экскрементами в специальном мешке. Она не всегда могла сказать, что им двигало: интересы других – ее или дочери – или же его собственные. Но, возможно, учебное заведение, в котором упор больше делается на игру, станет для Ханны приятным развлечением.

– Уже апрель, в этом году слишком поздно, – сказала она, возвращаясь к действительности и выливая в бокал остатки вина, – но я узнаю, примут ли ее во второй класс.

– Конечно, примут. – Он безгранично верил в дочь. – Для своего возраста она так много знает, они наверняка разглядят в ней молчаливого гения.

Он улыбнулся, и вокруг его глаз появились тонкие морщинки.

– Я запишусь на прием.

Алекс наклонился к ней и поцеловал.

– Я уверен: врач, новая школа – это сработает. Может, к осени она даже заговорит, и тогда у нас появится возможность выбирать из многих школ.

Неужели он в это действительно верил?

Алекс встал и потянулся, разминая конечности.

– Поднимусь наверх. Ей что-нибудь сказать?

– Да, было бы здорово. Когда мы ехали в машине, я допустила ошибку, подумав, что она уже готова вернуться в школу, ведь с прошлого раза прошло некоторое время. Девочка не понимает, чего себя лишает. Может, если это будет исходить от тебя…

Она взяла бокалы и отнесла их в раковину.

– А что сказать ей по поводу врача?

– Может, просто заронить в ее голову мысль о новых отношениях с человеком, не являющимся ни папой, ни мамой, ни бабушкой, ни дедушкой.

Алекс кивнул.

– Я проявлю сдержанность и такт. Думаю, она не очень хорошо справляется с проблемами и тревогой в трудной ситуации.

– Да, – в голосе Сюзетты, помимо ее воли, прозвучало облегчение, – рада, что ты меня понял. Jag alskar dig[12 - Jag alskar dig (швед.) – Я люблю тебя.].

Она знала, какое он испытывал наслаждение, когда она выражала свои чувства к нему на шведском языке.

– Jag alskar dig.

Он послал ей воздушный поцелуй и стал подниматься по лестнице, перешагивая сразу через две ступеньки.

Оставшись одна, Сюзетта без труда представила, как это будет выглядеть. Когда учебники были убраны в шкаф, никаких следов присутствия Ханны не осталось. Если девочка пойдет в школу, у нее будет целых шесть часов в день на себя. Вероятно, она опять возьмется за наброски. У нее появится возможность стать высококлассным членом «Йенсен & Голдстейн», а не маячить призраком на периферии. Она сможет записаться на кулинарные курсы или в танцкласс. Если захочет, заведет блог или разобьет огород свежих экологически чистых овощей, чтобы кормить ими семью. Сама она постоянно есть овощи не могла: время от времени ее привередливый пищеварительный тракт восставал против этой трудно усваиваемой пищи, но в глубине души считала, что сам факт их выращивания станет для нее наградой. А продукция будет лучше магазинной и уж точно безвредной.

Сюзетта вполне допускала, что другие матери, чьи дети проводили дни в небольших дорогих учебных заведениях, этим и занимались. Наверняка они умели вязать носки и собственноручно шить одежду. Может, даже помогали мужьям настилать крышу или сооружать из подручных материалов небольшие постройки. Сюзетте хотелось большего. Она жаждала приобрести более практические навыки и знала, что Алекс поддержит ее в этом смелом

начинании.

Она была не против тяжелой и грязной работы, даже если поначалу ей придется нелегко. Главное – использовать как можно больше возможностей достичь совершенства и доказать, что ты чего-то стоишь.

ХАННА

Он зашторил большое окно, выходившее на задний двор; у нее была самая маленькая, но при этом самая уютная во всем доме комната. Однако девочке больше нравилось, когда папа находился здесь вместе с ней, оживляя этот незатейливый уголок. Она еще несколько лет назад отказалась от попыток разрисовать белые стены толстыми детскими карандашами, потому как мама неизменно все закрашивала.

– Почему ты не хочешь пользоваться бумагой для рисования или книжкой-раскраской?

Мама сказала, что цветными могут быть игрушки, постельные принадлежности и книги. Однако игрушки хранились в идеальных штабелях белых коробок, а желтое стеганое ватное одеяло не могло заполнить собой всю комнату. Как бы ей хотелось его надуть и превратить в огромное солнце или воздушный шар, наполненный горячим воздухом, который унес бы ее далеко-далеко.

Мама хотела, чтобы ее упражнения в живописи ограничивались мольбертом, который, будто солдат, стоял в углу. Поэтому Ханна совершенно не пользовалась большими белыми листами бумаги, остававшимися девственно-чистыми. И не только чтобы позлить ее, заставляя всякий раз причитать: «Такой маленький рисунок! Такой крохотный, что его даже никто не увидит?».

Но мама не сдавалась и каждый раз в рождественский сочельник, равно как и в третий вечер Хануки, дарила ей принадлежности для рисования. Ханне нравился вид мелков и карандашей с острыми, заточенными кончиками. Она любила акварельные круги размером с двадцатипятицентовик, напоминавшие ей замерзшие лужи, оставшиеся после дождя из радуги.

Она не хотела, чтобы они валялись в беспорядке. Вытаскивая из безупречного гнезда маркеры «Мейджик», она потом никогда не могла сложить их обратно как надо. Ханна любила мамины подарки, но никогда не использовала их по назначению. При этом заботилась о том, чтобы та время от времени видела, как она берет их в руки, проводит пальцами по кончикам мелков, оставляет легкие отпечатки на сухой радуге краски. И порой целовала цвета, которые ей больше всего нравились. После этого мама никогда не злилась. Лишь смотрела, неподвижно застыв, и в глазах ее стояли слезы. Ханна не могла сказать, была ли мама счастлива или нет, но иногда она хмурилась. Однако по-прежнему покупала прекрасные коробочки, и это было главное. Для Ханны каждая ее победа оборачивалась маминым проигрышем.

Папа взял книгу с полки у нее над головой, сел рядом и начал читать.

– У меня под кроватью был лес, который я уже давно выращивала.

Папа говорил с едва заметным акцентом и вместо «который» у него получилось «кодорый».

– Самые настоящие тропики, идеальные для плесени, обезьян и всякой мелюзги, которая… – у папы опять вышло «кодорая», – …с радостью качалась на лианах волос и прыгала на батутах паутины.

Ханна улыбнулась, предвкушая следующую фразу.

– С какого-то момента я стала подозревать, что там живет Ночной Бормотунчик. Когда я лежала в постели и пыталась уснуть, из-под кровати доносились какие-то звуки.

Ханна жаждала устроить под кроватью беспорядок, но с маминими ведрами и швабрами в доме в принципе нигде не мог вырасти лес. Ей хотелось, чтобы у нее были такие же забавные друзья, как в этой книге, и поэтому она всегда выбирала ее и давала папе читать.

– Порой я слышала, что там кто-то царапался, будто копаясь в мусоре в поисках пищи.

Ханна желала раскрошить плитку гранолы и рассыпать по полу зернышки, чтобы покормить маленьких зверят.

– В другое время звук менялся, словно на дне высокого бокала пел крохотный жучок. А однажды, могу поклясться, слышала рев взбиравшегося по очень крутому склону автобуса: рычал двигатель, визжали тормоза. И была уверена, что условия для Ночного Бормотунчика у меня под кроватью очень даже подходящие.

Хлам. Вот что требовалось Ханне, чтобы привлекать поселившихся на полу друзей. Разнообразный мусор, из которого они смогли бы построить себе жилище, сломанные старые игрушки и липкие кусочки недоеденных леденцов – то, что мама собрала бы руками в резиновых перчатках и выбросила бы.

Родительница подошла к двери, прислонилась к косяку и стала наблюдать, как прекрасный папа читает книгу.

– Не видя ни разу ни одного из них, я не умела предвосхищать их появление. Скорее, думала, что как-нибудь ночью зверушка заявит о себе сама, – я была уверена, что у меня под кроватью кто-то живет, и много-много раз шептала: «Привет!». Но ответа так и не услышала. Может, она была робкой. А может быть, мы говорили на разных языках…

Ханна махнула на маму рукой – таким жестом обычно отгоняют курицу. Папа бросил на жену взгляд и слегка растопырил на открытых страницах книги пальцы.

– Пусть мама останется и послушает. Может, ей тоже понравится эта история.

Ханна хрипло, гортанно зарычала и резко дернула головой.

Папа посмотрел на маму и нахмурился.

– Я провожу с Ханной совсем не так много времени, как ты.

– Все в порядке.

Перед тем как уйти, она бросила на дочь взгляд, недвусмысленно говоривший: «Не забывай, я тебя ненавижу». В один прекрасный день мама откроет рот, в котором будет полно зубов из осколков стекла. Потом бросит на Ханну точно такой же ненавистный взгляд и станет грызть собственные руки. Зрелище будет отвратительное, но девочка, можно сказать, жаждала его увидеть.

Маму требовалось лишь еще немного подтолкнуть. К счастью, Мари-Анн помогала ей, предлагая самые замечательные идеи, как извести ее раз и навсегда.

Папа стал читать дальше, она подтянула к подбородку одеяло радостного, солнечного цвета и улыбнулась.

– Я свесилась с кровати, посветила фонариком и неожиданно его увидела! (Решила, что это мальчик, потому что у него были усы.) От яркого света он прищурился и, чтобы защитить глаза, поднял ручку, напоминавшую леденец на палочке. «Ничего себе!» – сказала я. Мы уставились друг на друга! Интересно, я казалась ему такой же странной, как он мне? Размером он был с батат и щеголял в небесно-голубых вязаных шортиках.

Ханна с Алексом представили себе усатый батат в вязаных шортиках и оба засмеялись.

* * *

Она не помнила, как ее сморил сон, но, когда проснулась, папы уже не было, а в комнате царил мрак. Ханна свесилась с кровати, как девочка в книге, посмотреть, не расхаживает ли там на слабеньких ножках какой-нибудь Ночной Бормотунчик. На полке у нее над головой лежал маленький пурпурный фонарик, но, даже включив его на максимальную мощность, она выхватила из тьмы лишь гладкий, чистый, идеально надраенный мамой пол. Потом встала с кровати, одернула мягкую ночную рубашку с ежиком, подошла на цыпочках к шкафу и вытащила из него несколько предметов: белый носок, коричневую заколку, красную ленту для волос. Потом заглянула в коробки с принадлежностями для рисования, но в конечном счете так и не решилась нарушить идеальную гармонию наборов мелков, маркеров и карандашей.

Коллекция оказалась слабоватой, но все же лучше, чем ничего. Она зашвырнула все под кровать. Возможно, у нее будет день-другой, чтобы подбросить туда что-нибудь еще, пока мама не ахнет от ужаса, увидев устроенный ею беспорядок. Сколько раз она видела, как та стояла на коленях, сжимая в руке, будто меч, трубу пылесоса и выполняя миссию по уничтожению любой колонии пылинок-захватчиц, какой бы крохотной она ни была. Материализоваться из мусора Ночной Бормотунчик, может, и не успеет, но попытаться все же стоило – потом она спрячет его в безопасном месте подальше от мамы.

До ее слуха донеслись звуки, которые она тут же узнала, хотя и не смогла расшифровать. Девочка украдкой выскользнула из комнаты и тихонько двинулась по холлу на свет, пробивавшийся из-под двери родительской спальни. Пыхтенье, хрипы и охи. Она слышала их всю свою жизнь и знала, что они представляют собой тайный язык, которым папа с мамой пользовались, оставаясь наедине. Ее расстраивало, что они никогда не прибегали к нему, когда говорили с ней, хотя она несколько раз и пыталась воспроизвести подобного рода звуки. Папа смеялся и говорил, что она рычит как пещерная девочка. Мама хмурила брови и казалась напуганной. «Пожалуйста, говори словами». Ханна полагала, что они не понимали ее потому, что ей не удавалось все в точности сымитировать.

Она еще немного прислушалась. Лишенные смысла хрипы и охи немного страшили. Мамин голос звучал так, будто она накручивала виток за витком вокруг космического корабля и у нее в скафандре вот-вот должен был закончиться воздух. Папа словно лупил кулаком: снова, снова и снова. Однажды, когда она была поменьше, ей захотелось принять участие в их разговоре. Но стоило ей войти, как они тут же умолкли. После этого папа с мамой велели ей сначала стучать, особенно если старшие в комнате чем-то заняты, и прерывать их только в случае крайней необходимости. Но при этом даже не подумали общаться с ней на языке, казавшемся ей куда интереснее слов. Может, он предназначался только для взрослых или одновременно на нем могли говорить только два человека (на этом гортанном языке они больше не разговаривали ни с кем). Порой она хотела воспользоваться словами, которые так отказывалась произносить, и спросить их: «Почему бы вам не взять в компанию и меня?».

Ханна вернулась в свою комнату, восторгаясь своей удивительной способностью не издавать ни звука. Она не только могла обходиться без слов, но и ступала по полу беззвучно, будто была соткана из воздуха. Парящее в воздухе привидение. Ведьма, получившая новое жизненное воплощение.

Несколько часов спустя она с парой распечаток в руке спустилась из папиного кабинета в залитый утренним светом холл. Когда она встала на образованный солнцем треугольник у окна, выходившего во дворик, ногам стало тепло. Ханна обвела взором аккуратно постриженные кусты, доходившую до лодыжек траву, стену деревянного забора и крышу соседского дома. Распустившиеся желтые нарциссы застыли в ожидании перед живой изгородью, словно войско, готовое вот-вот ринуться в атаку. Тюльпаны еще не зацвели, и их розовые головки напоминали собой стрелы, способные в любое мгновение устремиться вперед. В одном из соседских двориков брызнула снегом белых лепестков вишня. Девочка понюхала стекло, желая вдохнуть аромат цветов, но учуяла лишь кислый запах маминой бытовой химии.

Ханна надеялась, что папа уже проснулся. Сама она успела одеться, причесаться и села работать над своим необычным проектом. Отыскав в Интернете кое-какие снимки, она распечатала их на офисной бумаге из вторсырья. Некоторые из них – в цвете, чтобы они были не черно-белые, а коричневатые. Поскольку сделать ей оставалось только одно, она тихонько направилась в свою комнату спрятать распечатки.

Ханна прижалась ухом к двери родительской спальни: внутри все было тихо. Когда они спали, никаких особых правил, чтобы войти в комнату, соблюдать не требовалось, поэтому она бесшумно повернула ручку двери и скользнула внутрь. Папа лежал голый на своей стороне кровати. Ей почти были видны все его мужские причиндалы – собственно говоря, член, – но вид загораживали поджатые ноги. Одну руку он засунул под подушку, другую положил на грудь. Папа вдыхал и выдыхал открытым ртом воздух, не замечая ни ее, ни чего бы то ни было вообще.

Ханна несколько мгновений на него поглазела, а затем приступила к выполнению своей миссии, взяв с прикроватной тумбочки, где у него лежала всякая всячина (пара книг, несколько салфеток, банка из-под солений, набитая мелкими монетами), телефон. Потом обогнула кровать и зашла со стороны мамы.

Та лежала почти в такой же позе, на правом боку, поджав ноги и прижимая к груди подушку руками, сложенными будто в молитве. Темные волосы упали ей на лицо. Груди свесились на одну сторону, и Ханна решила, что если бы ей пришлось отращивать дополнительные органы, то лучше бы это был хвост. Новый мамин шрам она видеть не могла, однако старый ей нравился. Пурпурный червь, зажатый мясистыми губами белой кожи. Когда-то, совсем еще маленькой,

она потрогала его в примерочной кабинке торгового центра, но мама тут же отпрянула, словно ей стало больно.

Она отошла на несколько шагов назад, держа телефон горизонтально, чтобы запечатлеть все формы спящей родительницы. Она лежала ближе к окну и поэтому была немного освещена, даже несмотря на задернутые шторы. Ханна ткнула на кнопку, и камера негромко щелкнула. Для ровного счета нажала еще раз; в этот момент мама подняла голову и сделала вдох, будто перед этим все время лежала бездыханная. Мысль показалась Ханне восхитительной. Мама отбросила с лица волосы и несколько раз моргнула. Девочка могла выбежать из комнаты, но не стала этого делать. Вместо этого заскользила ножками по полу и подошла вплотную к кровати. Мама отодвинулась от нее с выражением замешательства на лице.

– Ханна, тебе что-нибудь нужно?

Она наклонилась. Все ниже и ниже, пока ее лицо не нависло над испуганной матерью.

– Имя. Меня зовут Мари-Анн Дюфоссе, – прошептала она ей на ухо, старательно копируя французский акцент.

Мама думала, что в компьютерную игру под названием «Французский с французами» она играла только раз. Но это было не так.

Когда мама уперла локоть в кровать и положила на ладонь голову, ее груди покачнулись. Ханна ухмыльнулась, и та набросила на себя простыню, чтобы прикрыть наготу.

– Что? – Мама бросила взгляд на спящего папу.

Потом чуть тише сказала:

– Я рада, что ты говоришь, малышка. Что ты сказала?

– Имя. Меня зовут Мари-Анн Дюфоссе. Не забудь.

Голос, которым она не привыкла пользоваться, звучал тихо и слабо.

Мамины губы округлились, чтобы переспросить, но Ханна засмеялась и выбежала из комнаты, по-прежнему сжимая в руке папин телефон.

СЮЗЕТТА

Она приготовила Алексу кофе итальянской обжарки, темный и крепкий, его любимый. Он хоть и опаздывал, но Ханна все равно ухитрилась заманить его в кабинет. Чтобы как-то использовать телефон и сделанную ею фотографию. Он запротестовал только на секунду – ему, конечно же, хотелось побыстрее устроить мозговой штурм и выдвинуть ряд революционных идей строительства нового дома в престижном районе города, однако он мог самостоятельно распоряжаться своим рабочим временем, равно как и проектировать дома в выходные. Сюзетте очень хотелось считать безобидным поступком то, что Ханна пришла к ним и сделала снимок. Но она по-прежнему чувствовала себя незащищенной и от этого испытывала тошноту, причем не только потому, что дочь застала ее голой. Ханна – или кем она там себя вообразила – не была обычным невинным ребенком.

Нормальные дети любили фотоаппараты и обожали фотографировать, она запомнила это еще с детства. Каждую пару лет мать преподносила ей новые камеры: сначала «полароиды», затем пленочные, а потом и цифровые. Несмотря на все свои недостатки, ее мать любила дарить подарки. При этом, как правило, тщательно выбирала презенты и элегантно их упаковывала. Повзрослев, Сюзетта поняла, что для матери это был единственный способ выразить свою любовь. У нее в отдельном ящичке до сих пор хранилось большинство самых красивых лент: блестящие полоски ткани в нарядную, с металлическим блеском, клеточку. В воображении Сюзетты эта упаковка превращалась в объятия, которых от матери было не дождаться.

Она эсэмэской сообщила Алексу, что кофе готов. Как только сообщение отправилось, ее телефон загудел, оповещая об электронном письме. Когда она его прочла, ее губы расплылись в улыбке.

По лестнице скатился Алекс, а вслед за ним – и Ханна.

– Обещаю-обещаю-обещаю, мой рот на замке, – сказал он.

– Что же ты обещаешь?

Он застегнул рот на невидимую молнию. Ханна повисла на руке своего героя и со злобным весельем запрыгала.

– Если он в самом деле на замке, то вот это, думаю, тебе не понадобится.

Она взяла термос-кружку, над которой поднимался пар, и поставила на противоположном конце кухонной стойки, чтобы он не мог до нее дотянуться. Что бы ни приготовила Ханна, вряд ли это было приятным сюрпризом. Ее тревожило, что Алекс мог выступать против нее, даже не понимая до конца, во что его втянули. Веселых тайн у Ханны не было. Понадеявшись однажды, что дочь сделала для нее что-то хорошее, Сюзетта открыла небольшую коробочку с подарком и обнаружила в ней кучу пауков. Те, что сдохли давно, рассыпались в пальцах, некоторые еще дергались, а парочка и вовсе разбежалась. Сюрприз не самый веселый, хотя Алекс и сказал, что Ханна, словно кошка, принесла самому любимому человеку пойманную мышь.

– Нет, нет и нет, кофе здесь совершенно ни при чем.

Он подмигнул ей и потянулся за кружкой, по-видимому, не замечая, что Сюзетта не на шутку разозлилась.

– Отлично. Тогда у меня для тебя есть замечательная новость.

Она хотела рассказать ему, когда они все соберутся вместе, на тот случай, если Ханна отреагирует не лучшим образом. Может, устроит истерику, которую ему придется не только наблюдать, но и как-то с ней справляться. Сюзетта протянула ему кружку.

– Спасибо, ?lskling.

Алекс поцеловал ее в щеку, прислонился к стойке и стал потягивать кофе, ожидая, когда она поделится своей новостью.

Сюзетта опять вывела на телефон электронное сообщение.

– Вчера вечером я отправила в «Саннибридж» письмо и сегодня получила ответ. Они будут рады пообщаться. Даже сегодня, если мне удобно.

– Звучит здорово. – Он повернулся к Ханне, которая мужественно стояла с подозрительным выражением лица. – Помнишь, lilla gumman, я вчера говорил тебе, что осенью ты пойдешь в новую школу? Там намного веселее, чем в других.

– Думаю, нам стоит туда сегодня съездить, как считаешь?

Она старалась, чтобы голос ее звучал ласково и невинно, но в глубине души надеялась, что этот стимул сработает.

Ханна лишь бросила на нее свирепый взгляд. Потом повернулась, побежала наверх и секунду спустя с силой захлопнула за собой дверь. Сюзетта вздохнула, разочарованная тем, что драма так и не разыгралась. Теперь будет труднее убедить Алекса в справедливости ее изменившихся представлений.

– Не переживай, школа, какой бы она ни была, – всегда огромная перемена. Чтобы свыкнуться с этой мыслью, ей понадобится время. У нас впереди все лето…

– Я могу спросить, не могут ли они принять ее сейчас, – сказала она, и в ее голосе слышалась радость.

Алекс испуганно застыл на месте.

– Сейчас? Но ведь прошло всего два с половиной месяца, как…

– Ты не обращал внимания на ее поведение?

– Не особо.

– Она все больше склонна манипулировать нами. Играть. Ханна заботится о том, чтобы все ее проделки видела только я, поэтому, когда мне приходится рассказывать о них тебе… ты сомневаешься в этом. Как она дерется. Как пишет

скверные слова. Как говорит… Ханна надо мной издевается. Зачем она утром потащила тебя наверх?

– Да так, ерунда. У нее есть план. – Он немного заерзал, чувствуя себя неуютно под ее пристальным взглядом. – Она кое-что задумала. Если честно, думаю, тебе понравится.

Хотя ей было не холодно, она застегнула на молнию спортивную куртку для занятий йогой, в которой любила ходить дома, и засунула в карманы руки.

Сюзетта хотела переодеться и перезвонить в школу, но Алекс не сводил с нее глаз, а ей, наоборот, хотелось, чтобы он отвернулся.

– Отлично. Я займусь этим сама.

– Эй, я не спорю с тобой, что ей пора в школу. Ты, вероятно, права: девочке скучно, ей нужны перемены…

– Перемены нужны мне. Ты не знаешь, какая она. При тебе она надевает самую невинную маску. И неизменно ведет себя, как душка.

– Да нет, я верю тебе. Однако мы уже говорили, что учебный год начался давным-давно…

– Я не могу сидеть с ней в четырех стенах! Ты меня не слышишь.

– Слышу, ?lskling.

И он крепко обнял ее.

Обычно это приносило Сюзетте огромное утешение и успокоение, но она уже слишком замкнулась в себе, а ежедневные испытания, которые ей устраивала Ханна, и постоянные расстройства, доставляемые собственным организмом, выжгли ее дотла. Сюзетта хотела разогнаться и, словно птица, на лету врезаться в стеклянную стену их дома. Плевать, если при этом она свернет себе шею. Потом еще и еще – до тех пор пока не измажет своей кровью все стекло.

Она оттолкнула его и подавила рвущийся наружу крик. И тут же увидела, что на его лице, как в зеркале, отразилась паника, плескавшаяся в ее широко распахнутых глазах. Этот неуверенный, испуганный взгляд ему не принадлежал. Она заставила себя немного успокоиться. Ей захотелось сделать хоть что-то, чтобы вернуть лицу мужа привычное непринужденное выражение.

– Прости, ты просто не…

Она отшатнулась и нервно прижала ладонь ко рту, стараясь не сболтнуть лишнего.

– Она нас дразнит. Не знаю, что у нее на уме, но она играет в какие-то игры…

– Какие еще игры?

– Кто такая Мари-Анн Дюфоссе?

– Что?

Ах, как же он на нее посмотрел! Словно только что понял, что внутри у нее лишь бездушные механизмы.

– Мари-Анн Дюфоссе! Это персонаж какой-нибудь книжки, которую ты ей читал? Французского фильма, который вы вместе смотрели? Это ты рассказал ей об этой женщине? – Она пошла на него, жестикулируя и требуя ответа. – Кто она?

– Сюзетта, остановись.

Услышав свое имя, она осеклась, порывистая, задыхающаяся, злобно кричащая. Нет, Сюзетта не возражала против шведских ласкательных прозвищ Алекса, но никогда не слышала, чтобы он называл ее по имени, порой забывая, что оно у нее вообще есть.

– Я не знаю, кто такая Мари-Анн Дюфоссе. Откуда мне знать? Какое отношение это имеет к…

Какое невинное, безупречное смущение, напрочь лишенное гнева и сочащееся заботой. Может, она сошла с ума?

– Я погуглю. Не бери в голову. Ты опаздываешь. Мне надо позвонить в школу.

– Если хочешь… я поеду с тобой! Не хочу, чтобы ты сидела одна, как…

– Не волнуйся, я все выясню сама.

Потом он сделал то, что она так любила: взял ее за плечи и упер свой лоб в ее. Сквозь аромат кофе пробивался запах зубной пасты, его тело излучало тепло. Так они стояли молча, и она жадно вдыхала его запах.

– Прости, я совсем не хотела тебя расстраивать.

– Сюзетта, мы сделаем то, что должны. Твое здоровье – тоже вопрос первостепенной важности, я не хочу, чтобы ты опять заболела…

– Знаю, я принимаю лекарства, это помогает…

– Но раньше мне никогда не приходилось видеть тебя такой расстроенной. Я мог бы больше работать из дома…

– Ты совсем недавно просидел дома две недели и не можешь без конца опекать меня…

– Но тебе тогда стало лучше?

Одна лишь мысль о том, как сильно ей полегчало, заставила сердце, бешено бьющееся в груди, успокоиться. Две недели после операции стали для нее чем-то вроде отпуска. Алекс был рядом и во всем ей помогал, Ханна вела себя просто идеально.

– Лучше, – признала она.

– Я мог бы работать в офисе только полдня.

– Не мог бы.

– Мог бы. Поэтому не расстраивайся, если в школе скажут, что не примут Ханну сейчас. К осени мы обязательно ее куда-нибудь определим. И я буду чаще оставаться дома, договорились? Может, все изменится к лучшему, и ты, как раньше, время от времени будешь ездить в офис. Как думаешь, это поможет?

– Может быть. Не знаю. Меня одолевает усталость. Все время.

Она и раньше пыталась объяснить ему, что запасы энергии заканчиваются раньше, чем ей того хотелось бы. Он пытался, но так и не понял, как может себя чувствовать другой человек. Она сравнивала свою жизнь с жизнью окружающих, наблюдая за тем, как они работают, путешествуют, занимаются домашними делами, заботятся о близких, общаются с друзьями, и понимала, что это их совсем не утомляет. Сама же Сюзетта к четырем часам дня слишком уставала даже для того, чтобы пялиться в телевизор. Ни одна живая душа не понимала, что такое механическое занятие, как уборка, она любила в силу его бессмысленной целеустремленности.

Ей несколько раз в день требовалось отключаться, подобно аккумулятору с обратной зарядкой, который заряжается, когда его выдергивают из сети. Это был характерный симптом болезни Крона, хотя гастроэнтерологи не придавали ему значения. Доктор Стефански предложил ей обсудить эту проблему с терапевтом. Сюзетте становилось легче, когда она принимала пищу и спала строго по графику. Порой небольшая утренняя зарядка способствовала приливу энергии. Однако со временем – когда из-за Ханны дни стали казаться длиннее – даже эта хитрость перестала помогать. Она все больше напоминала себе заводную игрушку со сломанным механизмом.

– Ты должна рассказывать мне как можно больше. Позволь помочь тебе, – взмолился Алекс.

Сюзетта кивнула и наконец обняла мужа.

– Сегодня необязательно делать все, – добавил он.

– Я сама этого хочу. Все будет в порядке. Тебе пора идти. Я же знаю: тебе не терпится побыстрее взяться за дело.

– Давай продолжим этот разговор позже, хорошо?

Он поцеловал жену, схватил кофе и ключи от машины, сунул ноги в туфли и вышел.

Когда-то Сюзетта представляла себя женщиной, которой не нужен никакой мужчина. Выросла же она без отца. Вселенная не вращается вокруг мужчин. Но когда влюбилась в Алекса, ей открылась истина: она больше не желала жить в мире, где нет его. Он изменил ее судьбу. Сюзетта понимала, что с теми сложностями, которые она испытывала, она никогда не смогла бы обеспечить себе столь комфортную жизнь. Да и работала она раньше так мало, что если бы ей дали инвалидность, этих выплат едва бы хватало, чтобы сводить концы с концами. Вместе они стали единым целым, принося друг другу радость существования.

Она позвонила в «Саннибридж» и согласилась приехать к одиннадцати часам.

Когда Сюзетта поднялась наверх, дверь в комнату Ханны была закрыта. Она прижалась к ней ухом и услышала звук разрезавших бумагу ножниц. Алекс сказал, у Ханны есть какой-то план, но она не думала, что для его осуществления понадобится компьютер, и не предполагала, что это окажется какое-то рукоделие. По правде говоря, мысль о том, как усердно девочка трудится в своей комнате, вселила в ее душу надежду. Может, дочь наконец взяла в руки маркеры или карандаши. Сюзетта не понимала, почему та никогда ими не пользуется, хотя и знала, что принадлежности для рисования ей нравятся. Если бы потом она нашла разбросанные на полу клочки бумаги, то даже не расстроилась бы. Представив себе такую возможность, Сюзетта улыбнулась.

– Я быстренько приму душ, у тебя все хорошо?

Ханна слегка ударила по полу костяшками пальцев, будто постучала в дверь – этот условный код они разработали для случаев, когда не видели дочь, но ждали от нее ответа.

– Отлично.

Сюзетта на миг застыла в нерешительности, раздумывая, стоит ли попросить девочку быть поосторожнее с ножницами, но решила этого не делать: если она станет нервно топтаться у двери или сюсюкать, Ханне это не понравится.

Сюзетта минуту наслаждалась надеждой, воображая, что может представлять собой поделка дочери. Она верила в творческий потенциал Ханны, даже если та редко использовала его надлежащим образом. Может, это будет следующая стадия на долгожданном, хотя и странном, пути к общению.

Когда она прошла к себе в комнату, закрыла за собой дверь, взяла телефон и ввела в поисковую строку имя Мари-Анн Дюфоссе, эта надежда растаяла как дым.

* * *

Раздевшись донага, Сюзетта почувствовала себя беззащитной, хотя и заперла дверь в ванную. Воображение без конца рисовало, как Ханна орудует большими ножницами, мысленно нанося ей смертельные удары. Ее тревога была до омерзения театральной, тем более что Мари-Анн Дюфоссе не оставила в истории практически никакого следа. Но, по данным «Википедии», эта восемнадцатилетняя женщина стала последней жертвой, которую во Франции сожгли на костре как ведьму. Приведенные в статье скудные доказательства того, что девушка в жизни не совершала поступков, даже отдаленно напоминавших колдовство, в расчет можно было не брать. Сюзетте было достаточно того, что Ханна вообще о ней знала и имела причины ею восхищаться, чтобы вызывать ее дух. Теперь ей было известно название затеянной дочерью игры – «Напугай маму». Но защитить себя она не могла и от одной мысли о Ханне начинала нервничать, а в душу закрадывался страх, и даже под горячей водой ее бил озноб. Белки глаз дочери. Способность неслышно подкрадываться к матери во сне…

ХАННА

Будет весело и интересно – вот что обещали ей в яслях, а потом и в детском саду. Дольше всего она продержалась в «Грин Хилл экедеми». Целых пять недель, из которых каждый день был трудным испытанием. Искушением в знак протеста броситься стремглав на стену (однажды она предприняла такую

попытку, но ее оттащили и отправили к коротышке-толстухе медсестре, которая приложила ко лбу кубик льда и только после этого позвонила маме). Превратить всех этих несносных, непоседливых детей в предметы, с которыми можно было бы играть, в живые, дышащие куклы. Попытки ставить их на место лишь создавали проблемы. Ее манера веселиться не нравилась никому.

Однажды ей пришлось сидеть на оранжевом квадратике ковра и смотреть, как трое малышей строили башню из пластмассовых кирпичей – что-то вроде конструктора «Лего» для великанов. Это занятие нельзя было назвать ни интересным, ни веселым. Они без конца спорили, кому устанавливать следующий блок и какого он должен быть цвета. Ханна не понимала, зачем им вообще понадобилось играть вместе. Кудряшке нравились только синие кирпичи. Крутым Розовым Очкам хотелось командовать двумя остальными. Ковыряльщик в Носу, стоило ему к чему-нибудь прикоснуться, оставлял повсюду зеленые козявки.

Наконец Ханне надоело, и она встала. Потом подошла к пластмассовой башне и внимательно пригляделась к конструкции. Целые три головы, доверху набитые опилками. А какой мог бы из этих кирпичиков получиться узор: красно-желто-синий, красно-желто-синий. Или два синих, два красных, два желтых.

– Можешь с нами поиграть, – сказали Крутые Розовые Очки.

Будто Ханне требовалось ее разрешение. Три свинюшки застыли в ожидании. Неужели они думают, что она добавит к их башне кирпич? Или, может, скажет им слащавый комплимент?

От их творения у нее рябило в глазах. Она пнула кирпич в основании башни и обрушила ее на пол. Не самый забавный в ее жизни поступок, но все лучше, чем сидеть без дела.

– Эй! – закричали Крутые Розовые Очки.

Кудряшка заревела.

Ханна отошла: ее, вероятно, окликнул кто-то из взрослых, но она не обратила никакого внимания.

Играть на улице было не веселее: все носились по площадке с воплями, от которых у нее болели уши. Две лучшие, приторно добродетельные подружки с похожими болтающимися косичками вертели в руках полосатые скакалки: прыгали, скрещивая ноги, хохотали. Ханна подумала, что, если бы завязать веревку у одной из них на шее, игра получилась бы куда интереснее. Тогда она – может, даже с помощью других детей – поволокла бы ее за собой на привязи, слушая, как та кричит, глядя, как извивается. Вот была бы потеха!

Однажды она подошла к ребятам, которые сбились в кружок, устроив какое-то необычное соревнование, и хихикали. Одна девочка высунула язык так далеко, что коснулась им собственного носа. А мальчишка рядом с ней скосил к носу глаза, сразу став похожим на сломанную куклу.

– Я могу шевелить ухом! – закричала другая девочка, а когда остальные наклонились посмотреть, откинула волосы назад.

Потом ребята стали выяснять, кто может свернуть трубочкой язык, Ханна несколько раз подпрыгнула, чтобы обратить на себя внимание. Затем ухмыльнулась и закатила глаза: этот трюк она практиковала перед зеркалом четыре года, когда мыла руки после туалета. Подобно остальным, она надеялась услышать в ответ восторженные возгласы, но услышала лишь крики бросившихся врассыпную детей.

После этого случая Ханна чаще всего просто стояла в своей форме – темно-синем джемпере с белой блузкой – и наблюдала. Она выглядела как и окружавшие ее девочки, хотя совсем не чувствовала себя такой, как они. Папе ее новый костюмчик понравился, поэтому сперва она и решила, что в детском саду будет лучше, чем в яслях. Но надежды не оправдались. Как и в яслях, она не успевала первой подбежать к качелям. Другие ребята носились вокруг, толпой набрасываясь на все подряд. Она боялась, что за пределами сада у них вырастали жала, как у шмелей, и поэтому держалась подальше.

С самого начала учебного года она не сводила глаз с одной необычной девочки с волосами, струившимися по плечам лучами золотистого света. Ханне казалось нечестным, что у этой Лучезарки такие удивительные волосы того же цвета, что у папы. Порой она подолгу на них смотрела, сгорая от желания схватить нож и снять с Лучезарки скальп вместе с прекрасными локонами. Ханна воображала бы, как сделала бы из них парик и гордо в нем расхаживала бы, наплевав на то, что они наверняка измазались бы в крови.

На уроках живописи Ханна стояла перед мольбертом, но ничего не рисовала. Поначалу миссис Улыбочка попыталась водить ее рукой, сжимавшей кисть, макнула кончик в темперу и изобразила на бумаге несколько размашистых полос. Но стоило воспитательнице выпустить ее руку, как Ханна разжимала кулак, роняя кисть, и та падала, разбрызгивая по полу краску. Вскоре миссис Улыбочка отказалась от дальнейших попыток и позволяла ей просто стоять. Но в один прекрасный день Ханна придумала способ поразвлечься, пока остальные дети творили свои аляповатые скучные шедевры.

Все знали, что Лучезарка без ума от фруктовых напитков. Она отказывалась пить воду, а от молока шарахалась с таким видом, будто ей протягивали стакан слизи. На первых порах фруктовый напиток на полдник, кроме нее, никому не давали, но когда другие ребята стали жаловаться и капризничать, миссис Улыбочка надула щеки и наполнила всем чашечки красным «эликсиром Лучезарки». Довольно скоро об этом узнали родители. Им не понравилось, что их дети пьют всякую гадость («красный цвет оттенка сорок» – так ее называла мама), поэтому Лучезарке в конечном итоге пришлось полдничать одной.

Пока миссис Улыбочка занималась с другими детьми, Ханна отыскала небольшую баночку с красной краской и унесла, прижав к себе, чтобы никто не увидел. Улучив момент, когда на нее никто не смотрел, девочка взяла пустой бумажный стаканчик и проскользнула в ванную с миниатюрными раковиной и унитазом. Эта ванная с ее крохотными принадлежностями была любимым местом Ханны во всем детском саду. Ей даже хотелось, чтобы папа переделал подобным образом и ту, которой она пользовалась дома. Ханна плеснула в бумажный стаканчик немного красной краски и разбавила ее водой. Когда та растворилась, содержимое стакана приняло весьма правдоподобный вид – в точности как шипучка «кул-эйд».

Миссис Улыбочка в это время помогала Ковыряльщику в Носу, чей рисунок был в той же зеленой цветовой гамме, что и его козявки. Лучезарка рисовала цветы. По крайней мере, Ханна думала именно так, хотя они в одинаковой степени могли оказаться высокими людьми с разноцветными панковскими прическами. Она встала рядом с Лучезаркой и улыбнулась. Окружающих очень легко расположить к себе с помощью улыбки, об этом она узнала еще ребенком.

– Только не толкайся, – сказала Лучезарка, надула губки и попятилась назад.

Может, в прошлом Ханна и наградила ее небольшим толчком или даже случайно ударила, но теперь у нее на уме было совсем другое.

Она покачала головой, давая Лучезарке понять, что ей ничто не грозит. Судя по виду, та все еще сомневалась. Ханна протянула стаканчик с красной жидкостью. Тебе понравится. У Лучезарки жадно загорелись глаза.

– Фруктовая водичка?

Ханна кивнула.

– Ой, спасибо.

Лучезарка была такой вежливой девочкой. Маме это понравилось бы. Она научила дочь таким словам, как «спасибо» и «пожалуйста», хотя та и не могла произнести их вслух.

Лучезарка припала губами к стаканчику и сделала пару больших глотков. Ханна не удержалась, протянула руку и погладила ее изумительные золотистые волосы.

Но не успела жидкость оказаться у девочки во рту, как та поперхнулась. «Фруктовая водичка», которую она все еще держала во рту, потекла по подбородку, словно кровь.

Ханна улыбнулась и подумала, что с осколками стекла шутка получилась бы лучше.

– А-а-а! Миссис МакНелли!

К ним подошла миссис Улыбочка.

– Она дала мне вот это.

– Что это? – Воспитательница взяла стаканчик и понюхала его, потом еще раз. – Краска? Ты дала ей краску «Ариа»?

Ханна пожала плечами. Будь у них хоть немного воображения, вполне могли бы представить, что это фруктовый напиток.

– Что же это такое… – неодобрительно проворчала воспитательница, вытирая большим пальцем с подбородка Лучезарки красные капли. – Я отведу тебя к медсестре… Просто на всякий случай… Краска не токсична, но… А вот ты…

Ханна отправилась в кабинет директора «Грин Хилл экедеми».

Она не могла вспомнить, сколько раз ее туда посылали. Но хорошо запомнила последний. У нее не было возможности объяснить, что она помогала. Как-то раз девочка увидела вокруг мусорной корзины в столовой муравьев. Затем исполнила общественный долг и раздавила их ногой. На следующий день они вернулись, и она раздавила их снова. А потом решила, что в корзине у них, должно быть, гнездо, в котором каждый день рождались все новые и новые особи. Папа хранил у себя в кабинете разноцветные коробки спичек из разных городов. Позаимствовать их было проще простого, и Ханна взяла коробочку с ярко-голубыми головками, которые ей больше всего нравились. Она лишь хотела помочь саду решить назойливую проблему с муравьями, причем на самом деле ни одна живая душа не видела, как она бросила в корзину зажженную спичку. Зато все наблюдали, как она стояла рядом и наслаждалась быстро разгоравшимся пламенем. После этого ей даже не разрешили вернуться в класс. Она сидела в кабинете до тех пор, пока не ворвались взволнованные папа с мамой и не бросились выражать возмущение несправедливым к ней отношением.

– Она даже спички поджигать не умеет! – сказал папа.

В «Грин Хилл экедеми» она больше не пошла, так что все получилось просто замечательно. Но после того, как родители поговорили с директором и парой воспитательниц, папа разозлился, а обстановка в доме накалилась, и в любую минуту мог произойти взрыв.

После «Грин Хилл» она провела две недели во «Фрик скул», пока мама не забрала ее оттуда. Когда воспитательница читала им вслух книжку, Ханна притворялась, что падает в обморок: от визгливых голосов, которые та имитировала, ей хотелось поджечь тряпку и заткнуть ей рот.

Девочку в спешном порядке отвели в кабинет медсестры, не такой большой, как в «Грин Хилл», и задали кучу вопросов, подразумевавших ответы «да» и «нет», чтобы она могла только кивать или качать головой. А когда мама приехала за ней, медсестра самым суровым тоном заявила, что девочку в наказание нельзя лишать пищи, потому что молодому организму требуются калории для роста костей и развития мозга.

Мама застыла на месте, словно испуганная птица: наклонив голову, открывая и закрывая клюв.

– Что? Я никогда не… Она так вам сказала? Ханна?

Ханна и в самом деле была голодна, поэтому хоть и лгала, но все же не до конца. И сто раз видела, как ребят отсылали домой, когда их тошнило, они хлюпали носом или им «было плохо». Трюк не самый забавный, но в качестве стратегии эффективный.

– Мы просто… За ужином у нас правило: есть то, что стоит на столе. Его же придерживалась и моя мать; либо ужинать тем, что дают, либо не ужинать вообще. В общем, в этот раз она лишь немного поела, но я всегда стараюсь готовить то, что нравится Ханне, просто она больше ничего не захотела… Никаких перекусов после мы не устраиваем: если пропустил ужин – никто не станет потом его компенсировать. Но на завтрак она съела все, что я обычно ей даю…

Мама залилась краской, а медсестра сказала:

– Я все понимаю, мы просто хотим, чтобы все родители несли ответственность за питание своих детей…

– Мы несем… Я несу…

– И не желаем, чтобы ребятишки падали в голодные обмороки.

Вообще-то она сказала немного иначе, но Ханна – а вместе с ней и мама – прекрасно поняла, что имелось в виду.

После этого с мамой несколько минут говорила воспитательница с визгливым голосом.

– Ты писала на стене, – сказала Сюзетта, когда они ушли.

Так закончилось ее пребывание во «Фрик скул», хотя Ханна не марала никаких стен и в этом отношении была совершенно невинна.

Девочка подумала, что со школами решено навсегда. Мама стала заниматься с ней дома, и Ханна «впитывала все как губка». Дочь, похоже, произвела на нее впечатление, поэтому, когда она произнесла эти слова, девочка восприняла их как комплимент, зная, насколько сильно маме нравится наводить чистоту. По большому счету дома ей было лучше: не приходилось без толку носиться туда-сюда, да и на любимые занятия оставалось больше времени. Порой Ханна испытывала мамино терпение, но считала, что это хорошо, ведь чтобы совершенствоваться, в любом деле нужна практика, а ей очень хотелось, чтобы мама стала терпеливее.

И вот они снова едут в машине в какое-то очередное место. Обещают, что там будет веселее и интереснее, чем в других, но что это в действительности могло значить?

У нее, по крайней мере, было время подумать по дороге. К тому же с прошлого раза, когда ее хотели определить в школу, она повзрослела и поумнела. Если приложить немного усилий, веселье начнется уже очень скоро.

СЮЗЕТТА

Поездка в «Саннибридж» по пробкам через центр города на его окраину, в Саус Хиллз, отняла массу времени. Сюзетта рассеянно слушала радио, время от времени поглядывая на Ханну, пристегнутую ремнем на заднем сиденье, и с удивлением замечая, что дочь ритмично покачивала головой. Несмотря на героические усилия Алекса, девочка не проявляла к музыке особого интереса. Если Сюзетта дарила ей принадлежности для рисования, то Алекс сначала приобретал CD-диски, затем MP3-плеер, потом купил детские барабаны конга и четырехструнную гавайскую гитару укулеле. Девочка с явным интересом наблюдала, когда он учил ее играть, но сама так ни разу и не попыталась

ударить в барабаны или дернуть на укулеле хотя бы одну струну. После того как ее сводили к отоларингологу, исключившему любые проблемы со слухом, родители стали подозревать, что задержки в развитии дочери обусловлены путаницей. И в младенчестве, и когда Ханна только начала ходить, Алекс разговаривал с ней на шведском, а Сюзетта – на английском. Оба знали, что многие семьи таким образом с успехом учили детей двум языкам, но в том, что Ханна так и не заговорила, поначалу винили себя. После того, как ее способности к общению остановились в развитии, они испугались, что девочка вырастет аутисткой, однако она по-прежнему узнавала и понимала папин голос, даже несмотря на то, что он не мог убедить ее ответить ни словами, ни музыкой.

В эфире начался рекламный блок, во время которого слушателей призывали поддержать независимое радио. Сюзетта сделала тише, пока звук не стал едва слышен. Алекс каждый год от лица компании вносил пожертвования на поддержку этой волны, вещавшей на частоте 91,3 FM, и местной независимой телекомпании. Она посмотрела на Ханну в зеркало заднего вида. Пристегнутая ремнем безопасности, девочка была вне досягаемости, ее веки отяжелели от сна. Самый что ни на есть подходящий момент, чтобы вывести ее на разговор.

– Ну что, Ханна, я посмотрела, кто такая Мари-Анн Дюфоссе.

От звука этого имени ребенок дернул головой и поднял глаза, но только для того, чтобы посмотреть в окно.

– По всей видимости, она была интересная девушка. А какой трагический конец. Принять смерть на костре вместе с матерью. А ведь они даже ведьмами не были.

Ханна повернулась и посмотрела через зеркало маме в глаза. Надеясь развеять тревогу, поселившуюся в душе, когда она узнала о новой личности дочери, Сюзетта попыталась свести угрозу на нет.

– Ты, вероятно, не знаешь, однако во всей охоте на ведьм это был особый пунктик. В те времена все были очень суеверны. Порой, чтобы отвести от себя подозрения, оставался только один выход: указать на других, настоящих ведьм. Проблема заключалась лишь в том, что те тоже были простыми людьми. То же случилось и с Мари-Анн Дюфоссе. Сперва обвинили одну женщину, которая в конечном итоге назвала имена многих других, в том числе и твоей героини, пытаясь спастись. Но, насколько я понимаю, Мари-Анн действительно стала

последней жертвой, сожженной на костре. Такой же невинной, как другие девушки и женщины, осужденные до нее.

Ханна покачала головой.

– Какая же ты дура.

У девочки получилось «дюра», и Сюзетту поразил ее французский акцент. Но она тут же попыталась скрыть радость от того, что ей удалось развязать Ханне язык.

– Что ты сказала?

Но дочь уже отвернулась к окну.

– Уверена, Ханна, ты могла бы мне и объяснить. Или тебя лучше называть Мари-Анн?

Это привлекло ее внимание. Девочке надо было отдать должное: свою роль она играла хорошо. Сюзетте пришлось сосредоточиться на дороге: они уже почти подъехали к школе, и ей не хотелось опоздать. При этом она знала, что Ханна следит за ней и просчитывает следующий ход.

Сюзетта припарковала машину, и дочь отстегнула ремень безопасности. Фасад школы и прилегающая к ней территория выглядели не такими ухоженными по сравнению с другими, более дорогими школами, в которые девочку отдавали раньше. Ржавое оборудование детской площадки, казалось, придет в негодность через каких-нибудь года два. На грязном поле валялись оранжевые дорожные конусы со светоотражателями и сдувшиеся мячи разных цветов и размеров. Создавалось впечатление, что когда-то здесь располагалась муниципальная средняя школа, которую впоследствии расформировали. Рядом с входной дверью красовалась большая вывеска с огромным нарисованным солнцем, грозно ощетинившимся своими лучами.

Сюзетта почувствовала, как ей в ладонь скользнула маленькая ручка, и испытала настоящий шок. Может, Ханну и в самом деле пугала перспектива пойти в школу? Они зашагали по дорожке, и девочка заговорила вновь.

– Ты мне веришь?

Сюзетта задумалась, как лучше ответить. Лгать казалось неправильным. К тому же это был их первый настоящий разговор.

– Нет, – сказала она.

– Отлично. Меня правильно сожгли.

Пгавильно. В точности как французская кинозвезда.

Ханна сильнее сжала ее ладонь. По телу прокатилась волна страха: на мгновение Сюзетте захотелось прыгнуть в машину и на полной скорости рвануть в «Йенсен & Голдстейн». Алекс, вполне возможно, не обратит внимания на смысл слов дочери, для него важнее всего будет то, что она вообще их сказала. А что если Ханна, так долго хранившая молчание, решит проявить свою вторую личность прямо во время собеседования? Представить, как дочь расскажет о своей жизни в роли Мари-Анн Дюфоссе – кстати, инициалы ее имени весьма символично складываются в слово «МАД»[13 - Во французском и английском вариантах написания имени Marie-Anne Dufosset инициалы составляют слово MAD, которое можно перевести как «безумный» или «злой».] – никем не понятой, но отнюдь не безобидной юной ведьмы, не составляло никакого труда.

Они зашагали по тускло освещенному холлу с изрытыми оспинами стенами из шлакоблоков. Дешевые, выкрашенные желтой и оранжевой краской ящички для хранения личных вещей, вполовину обычного размера, пестрели вмятинами и зазубринами. В нос бил запах дезинфицирующего средства не без примеси аммиака, но школа все же была чистой, хотя больше напоминала Сюзетте не столько заведение для воспитания юных умов, сколько зону боевых действий.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Болезнь Крона – тяжелое хроническое воспалительное заболевание желудочно-кишечного тракта, способное поражать все его отделы, от полости рта до прямой кишки.

2

?lskling (швед.) – дорогая, дорогой.

3

Lilla gumman (швед.) – крохотуля.

4

Farmor, farfar (швед.) – бабушка и дедушка по отцовской линии.

5

Урсула Саутейл, более известная как матушка Шиптон (1488–1561) – английская провидица, якобы предсказавшая множество событий, в том числе чуму в Лондоне в 1665–1666 годах, вторжение испанской армады и Великий лондонский пожар. Агнес Сэмпсон – шотландская целительница, многими считавшаяся ведьмой. Была сожжена на костре 28 января 1591 года.

6

Аутоиммунное заболевание – нарушение функций иммунной системы, при котором она воспринимает собственные ткани организма как чужеродные и повреждает их.

7

Дорогая (швед.).

8

Ура (швед.).

9

Посттравматическое стрессовое расстройство – тяжелое психическое состояние, возникающее в результате единичной либо повторяющихся психотравмирующих ситуаций, таких как участие в боевых действиях, тяжелая физическая травма, сексуальное насилие или угроза смерти.

10

Саннибридж (англ. Sunnybridge) переводится как «солнечный мост».

11

Синдром гиперактивности и дефицита внимания – расстройство поведения, проявляющееся в неспособности сосредоточить внимание, повышенной активности и неуправляемой импульсивности.

12

Jag alskar dig (швед.) – Я люблю тебя.

13

Во французском и английском вариантах написания имени Marie-Anne Dufosset инициалы составляют слово MAD, которое можно перевести как «безумный» или «злой».

Купить: https://tellnovel.com/steydzh_zoi/molochnye-zuby

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити